

TALLINNA POLÜTEHNILISE
INSTITUUDI TOIMETISED

ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 436

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ер. 6.7

TALLINNA POLÜTEHNILISE INSTITUUDI TOIMETISED
ТРУДЫ ТАЛЛИНСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№4 36

1978

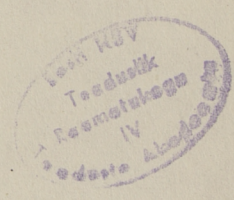
УДК 300.4/5

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Таллин 1978

1978

TECHNICAL COLLEGE

1978

И. Аймре, М. Титма

ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ
СТРУКТУРЫ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

За последнее десятилетие одной из наиболее разработываемых областей для обществоведов являлось изучение социальной структуры общества¹. Наиболее интенсивно она изучается в научном коммунизме и социологии.

При философском и социологическом анализе общества категория "социальная структура" является одной из главных.² Социальная структура общества включает в себя различные виды структур (национальную, этническую, демографическую, профессиональную, классовую и т.д.), каждая из которых предполагает и вполне определенное объективное разделение общества на группы и связь между ними [42, 38, 41, 7, 35, 18, 27, 40, 23, 28].

Несмотря на то, что все эти структуры достаточно важны и взаимосвязаны, определяющая роль принадлежит классовой структуре. Классовую структуру советского общества характеризуют рабочий класс и колхозное крестьянство, а также социальные группы служащих и специалистов. В этих компонентах социальной структуры выделяют также слои и отряды (социально-профессиональные группы). В советской социологической литературе понятие - "социально-классовая структура" распространяется на всю совокупность различий между классами, социальными группами и слоями внутри них. В таком объеме данное понятие мы и используем в дальнейшем.

Опираясь на эти положения, попытаемся кратко охарактеризовать социально-классовую структуру развитого социалистического общества и разграничить ее элементы, проследить движение общества к социальной однородности.

В.И. Ленин в своей работе "Великий почив" дал характеристику классов [4, с. 15]. Марксизм подходит к обществу не только как к экономическому явлению, он не пытается свести к нему весь многообразный характер класса, а, выделяя основные и производные классовые признаки, рассматривает их во взаимосвязи. Ленинское определение классов охватывает не только различия между классами как таковыми, но и социальными группами, не имеющими полного статуса класса, а также между социальными слоями. Конечно, производные признаки, дифференцирующие социальные группы на отряды (социально-профессиональные группы) и слои, не охватываются этим определением. Социальные группы, которые занимают особое место в системе экономических отношений, хотя и не обладают полными признаками класса, т.е. не отличаются от классов социалистического общества отношением к средствам производства, тем не менее еще выделяются полностью на основе ленинского определения классов.

Социальные группы по сравнению с классами имеют основные особенности в характере и содержании труда, в сфере распределения и т.д. Социальными группами в нашем обществе являются служащие — неспециалисты и интеллигенция (специалисты)³.

В классах и социальных группах выделяют социальные слои⁴, объединяющие людей, которые выполняют однородный по сложности и значимости труд, и поэтому имеют сходный уровень квалификации, образования, размер дохода, в общем одинаковые условия труда и быта, однотипные социальные связи и т.п.⁵ Роль общественной организации труда выступает как важнейший критерий внутриклассовых различий, позволяющий установить различия между социальными слоями.⁶

С развитием социальной структуры общества вообще, постоянным стиранием социальных различий между классами, все большую важность приобретают "профессиональные различия между членами общества в зависимости от характера труда, квалификации, культурно-технического уровня и т.д. Продолжающееся в довольно быстром темпе углубление профессионального разделения труда (возникновение новых профессий) происходит одновременно с процессом сближения содержания труда и различных социальных слоев" [19, с. 9-10].

Очевидно, что сами по себе профессиональные различия не являются социально-экономическими, поскольку в них непосредственно проявляется только технико-организационное разделение труда⁷. Требование В.И. Ленина не смешивать классы и профессии полностью остается в силе [1, с. 191]. Но связь социально-классовой и профессиональной структуры несомненна, особенно при социализме, и поэтому ограничение социальных делений от профессий не менее ошибочно.⁸

Именно на стыке этих структур и выделяют последний субэлемент в социальной структуре: отряд (социально-профессиональные группы). Если слои различаются по характеру труда (менее или более социально развитый), то отряды выделяют на основе различий в содержании труда независимо от характера, т.е. объединяют представителей различных слоев.

Профессиональное и социальное разделения труда выступают как соотношения отдельного и общего [3, с. 318], но это уже иное соотношение нежели соотношения между профессиями и сферами приложения труда. На основе видов труда можно выделить профессиональные группы. За профессиональными группами закреплены экономически различные виды труда, и поэтому эти группы в разной степени участвуют в организации и совершенствовании производства, руководства и т.п., вносят неравный вклад в развитие экономики и культуры и т.п.

Кроме профессиональных групп профессиональная структура имеет еще в качестве элемента профессиональные слои. Профессиональными слоями, например, внутри интеллигенции являются: группа "практиков", занимающихся административно-управленческим трудом, группа высококвалифицированных работников здравоохранения и т.д.

Таковы в самых общих чертах принципы выделения компонентов социально-классовой и профессиональной структуры на нынешнем этапе развития социализма.

Рассмотрев сущность социально-классовой структуры, перейдем к разбору ее конкретных элементов (классов, социальных слоев и групп). Разграничение рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и служащих друг от друга основывается на этих теоретических положениях.

По вопросу о социальных границах советского рабочего класса в нашей литературе имеются различные точки зрения. Выделить рабочий класс представляется весьма сложной задачей, так как в действительности нет резкой границы между социальными группами и классами, да и теоретические основы их выделения подвижны, они постоянно изменяются под воздействием экономических и других факторов [49, 21, 29, 13]. Между рабочим классом и служащими — специалистами нет различий по отношению к средствам производства. Различия между рабочим классом и служащими, а также специалистами определяются их ролью в организации общественного труда, что представляет собой результат объективного разделения труда (на умственный и физический), который закрепляет выполнение качественно различных функций разными группами трудящихся. Это определяет социальную значимость труда и оказывает влияние на положение трудящегося и группы в системе общественных отношений. Труд рабочих характеризуется в основном как физический труд, труд служащих и специалистов — как умственный.

К рабочему классу относится часть неквалифицированных рабочих, с низким образованием и культурным уровнем, занимающихся преимущественно физическим трудом, но в основном — его ряды составляют рабочие с дипломами специалистов, которых можно по существу назвать рабочими-интеллигентами. [32, с. 22].

Целостно советский рабочий класс характеризуется А. Амвросовым следующим образом: "Рабочий класс социалистического общества — это трудящиеся государственных предприятий деревни и города, которые производят основную массу материальных ценностей и которым принадлежит руководящая роль во всех сферах общественной жизни" [6, с. 92]. В это определение рабочего класса А. Амвросов не включает один из учитывавшихся ранее признаков, на основании которого отличали рабочий класс от служащих и интеллигенции, — представитель в основном физического труда.

Если принять во внимание сказанное выше, то в характеристику рабочего класса настоящего времени все-таки следует включать признак — занимающиеся в основном физическим трудом, несмотря на то, что в состав рабочего класса вхо-

дят группы, в деятельности которых преобладают уже элементы умственного труда.⁹

Критерием разграничения рабочего класса и колхозного крестьянства как двух классов социалистического общества служит их отношение к собственности.

Внутриклассовая структура рабочего класса определяется характером и содержанием труда¹⁰, условиями исторического развития общественного производства и вытекающим из этого состоянием производственных отношений в промышленности и сельском хозяйстве, существующим разделением общественного труда и размещением населения и производственных сил на территории нашей страны [26, 6].

Обычно выделяют следующие конкретные подструктуры рабочего класса: территориальная, расположенная в системе отрасли народного хозяйства, зависящая от места жительства и работы, обусловленная степенью автоматизации и механизации производственных процессов, основывающаяся на квалификации, зависящая от образовательного уровня, учитывающая трудовой стаж, исходящая из национального состава и т. д.

Чаще всего при анализе внутренней структуры рабочего класса рассматривают степень квалификации трудящихся. В. С. Семенов различает три слоя трудящихся: рабочие с низкой, средней и высокой квалификацией [44, с. 71-73].

Слой рабочих с разной квалификацией различаются друг от друга по социальным признакам: по функциям и организации общественного труда, зарплате и жизненному уровню, бытовым условиям, образовательному уровню и культурно-технической подготовке [15, с. 2-55].

Отряды (социально-профессиональные группы) в рабочем классе пока выделяют на основе отрасли, что, однако, не совсем правомерно, ибо при этом не учитываются особенности в содержании труда. Этот компонент структуры рабочего класса требует пока еще основательного изучения.

Специфика социальной сущности колхозного крестьянства состоит в том, что оно органически связано с кооперативной формой социалистической собственности и дополняющим ее личным подсобным хозяйством¹¹.

Отношения к собственности определяют роль класса в организации общественного производства. Место колхозного крестьянства в общественной организации труда принципиально не отличается от места рабочего класса, поскольку отсутствуют отношения управления и подчинения.

Колхозно-кооперативная собственность обуславливает некоторое расхождение между рабочим классом и колхозниками: интересы коллективного хозяйства не всегда совпадают с интересами общества в целом, ибо колхоз (как и колхозник) выступает на рынке как продавец сельскохозяйственной продукции и заинтересован в высоком уровне цен на рынке, в определенном соотношении спроса-предложения и т.д.

Колхозное крестьянство в условиях социализма является классом, занятым преимущественно физическим трудом в сельскохозяйственном производстве [10, 8, 38, 43].

Мнения авторов в отношении структуры колхозного крестьянства расходятся. Одни причисляют к колхозному крестьянству всех членов колхоза¹². Таким образом, часть сельскохозяйственной интеллигенции и служащих присоединяется к колхозному крестьянству [24, с. 29-33, 5, с. 34-38, 14, с. 58-64].

Учитывая различный характер работы представителей физического и умственного труда, в это распределение не следует включать работников административного аппарата, агротехнических и инженерно-технический персонал (они относятся к сельскохозяйственной интеллигенции), служащих и работников из так называемой сферы обслуживания. Следовательно, понятия "колхозник" и "колхозное крестьянство" не тождественны. Первое из них значительно шире второго. Агроном, зоотехник, ветврач и др. работники могут быть членами колхоза, но они не крестьяне и относятся к интеллигенции [20, с. 108]. Эта группа участвует в колхозном производстве, принадлежит к колхозникам, но не к колхозному крестьянству как к классу.

В связи с отставанием сельскохозяйственной работы от индустриального производства, внутренние различия среди колхозного крестьянства незначительны и пока мало разработаны.¹³

В марксистской социологической литературе и статистике социально-классовая структура советского общества характеризовалась ранее двумя классами и одной социальной группой (прослойкой) — служащими. Однако сейчас различают группы "интеллигенция" (специалисты) [9, 12, 17, 31] и "служащие-неспециалисты".

Интеллигенция и служащие относятся к различным социальным группам, что определяется характером их труда. Различие между ними определяет уровень сложности их умственного труда, с которым связаны и определенное место в общественной организации труда и другие признаки. Выделяя работников, выполняющих виды умственного труда, требующие высокой квалификации, и работников, занятых не столь сложным умственным трудом, мы можем различать представителей интеллигенции и служащих.

В.И. Ленин, давая определение интеллигенции, относил к ней "всех образованных людей, представителей свободных профессий, вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане), в отличие от представителей физического труда" [2, с. 309]. Определяя сущность интеллигенции на определенной стадии развития общественных отношений, он привел те существенные признаки, которые присущи интеллигенции как социальной категории вообще. Условия развитого социализма и происходящая научно-техническая революция обусловили потребность в конкретизации понятия интеллигенции.

Под интеллигенцией подразумевается социальная группа, состоящая из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим, как правило, среднего специального или высшего образования [33].

"Профессионально занимающиеся" — под этим понимают не только деятельность в сфере умственного труда на профессиональном уровне (несомненно, и это является важным), но и то обстоятельство, что такая умственная деятельность оказывается основным источником получения средств к существованию.

С другой стороны, тот факт, что работники должны иметь образование, соответствующее характеру труда, не является абсолютным. В настоящее время часть должностных мест заполняется еще т.н. "практиками", не имеющими соответствующего своему труду специального образования. Можно ли отнести таких работников к интеллигенции, несмотря на их образование? Более распространенной является точка зрения, согласно которой определяющим моментом в таком случае выступает не столько формальный уровень образования, сколько характер труда, степень квалификации, которую требует этот труд [48, 40].

Вышеприведенные соображения касались тех, кого из занятого населения следует отнести к категории "интеллигенция". В целом же ясно, что в условиях развитого социализма интеллигенция образует самостоятельную социальную группу, сохраняющую свою специфику [14].

Это вызвано следующими объективными причинами:

1) материально-техническими, обусловленными уровнем развития материально-технической базы социализма. Уровнем развития производительных сил, характером разделения труда на умственный и физический и т.д.;

2) социально-политическими, обусловленными наличием государства и его властью. До тех пор, пока существует государство, необходим слой работников, профессионально выполняющих работу в государственном аппарате;

3) идеологическими, обусловленными потребностями сохранить отдельно группу людей, которые вырабатывают и формируют идеологию, осуществляют пропаганду и занимаются другими видами умственного труда, связанными с идеологией.

Присоединяясь к характеристике, данной интеллигенции социалистического общества П.П.Аmeliным [9, с. 47-48], мы можем сказать следующее: квалифицированный и высококвалифицированный умственный труд в той или иной сфере человеческой деятельности является профессиональной деятельностью для интеллигенции; представители интеллигенции в условиях социализма являются одной из органических частей трудящихся, и по отношению к ним действителен закон о всеобщей трудовой повинности; интеллигенция не является и не может быть отдельным классом, она представляет собой со-

циальную группу; интеллигенция не является социально гомогенной, она включает в себя различные слои и социально-профессиональные группы и т.д.

Определив таким образом точку зрения по вопросу о месте специалиста в социально-классовой структуре общества, рассмотрим теперь внутренний состав этой социальной группы.

Дифференцируя умственный труд (в той мере, в какой его выполняет интеллигенция), можно представить структуру интеллигенции по различным степеням квалификации. Так, М.Н. Руткевич на этом основании распределяет интеллигенцию на четыре слоя: "практики"; техники, медсестры и аналогичные категории лиц со средним специальным образованием; инженеры, врачи, учителя и др. категории с высшим образованием; высший слой наиболее квалифицированных людей умственного труда в науке, искусстве, технике, управлении..." [34, 14].

Кроме того, при дифференциации интеллигенции исходят из различных сфер умственной деятельности: экономической, политической, идеологической. В соответствии с этим в самом общем виде интеллигенцию можно распределить на следующие отряды:

1) технико-экономическая (инженерно-технические, агрозоотехнические и др. работники).

2) работники государственного аппарата и общественных организаций (государственный аппарат, армия, охрана общественного порядка и т.д.),

3) научно-культурная (ученые, медицинские работники, работники искусства, культуры и литературы и т.д.) [20, с. 169].

В контингенте специалистов, работающих в технико-экономической сфере, следует выделить сельскохозяйственных специалистов [16, с. 101-108], которые образуют отдельную социально-профессиональную группу. Особую группу составляют и инженерно-технические работники (техническая интеллигенция), занятые в материальном производстве [20, с. 170-174].

На основании видов умственного труда интеллигенцию социалистического общества распределяют на следующие отряды (социально-профессиональные группы): работники в сфере управления (руководители государственных органов, советских, общественных организаций, учреждений, техническая интеллигенция, сельскохозяйственные специалисты в колхозах, совхозах и т.д.); медицинские работники; творческая интеллигенция (художники, писатели, композиторы и др.); научные работники (вместе с представителями высших учебных заведений); работники в области просвещения и культуры (учителя, работники библиотек, домов культуры и др.); работники органов милиции и военные (те из них, которые занимаются высококвалифицированным умственным трудом).

Понятие "служащий" употребляется в философской и социологической литературе в нескольких смыслах. В самом общем значении "служащие" — это люди, занимающиеся нефизическим трудом, состоя на службе в государственных органах и учреждениях или в общественных организациях. В советском обществе большинство представителей интеллигенции являются служащими, но не каждый служащий — представитель интеллигенции (специалист).

В узком смысле понятие "служащий" обозначает людей, занимающихся умственным трудом, но не относящихся к специалистам (интеллигенции). Работа служащих обычно представляет собой малоквалифицированный умственный труд, в некоторой мере связанный с несложным физическим трудом (например, переписка, торговые операции и т.д.). Отличие работы служащих от работы специалистов состоит в том, что в их работе творческий момент представлен значительно меньше, чем у специалистов. Их работа не требует длительной специальной подготовки (среднего специального или высшего образования). В соответствии с характером работы имеются различия между служащими и специалистами и в их культурно-техническом уровне. Зарботная плата работников, выполняющих высококвалифицированный умственный труд, превышает в несколько раз зарботную плату служащих-неспециалистов [47, с. 96].

Таким образом, основные различия между служащими (в узком смысле) и специалистами существуют в характере труда (точнее в требуемой квалификации) и в оплате труда [30].

Социальная группа служащих-неспециалистов внутренне дифференцирована. В общих чертах она подразделяется по сфере деятельности на следующие отряды (социально-профессиональные группы): служащие, занятые подсобной работой в планово-экономической области, учебно-канцелярской работой и делопроизводством как в производственной, так и в непроизводственной сфере; служащие в сфере обслуживания, торговле, общественного питания и служащие экономической сферы; служащие, выполняющие определенные функции в органах государственного управления, административные служащие-неспециалисты (рядовой состав); группа вспомогательных служащих (младший обслуживающий персонал) — сторожа, уборщицы и т.п.

С другой стороны, служащих можно подразделить на слои по их квалификации¹⁵, но при дифференцировании служащих область деятельности играет большую роль, чем степень квалификации.

Предыдущий анализ показал, как в основном решаются теоретические вопросы разграничения классов и социальных групп. Внутри них выделяются слои и отряды (социально-профессиональные группы), которые, однако, пока эмпирически мало изучены, особенно при помощи сравнительного анализа, вскрывающего социальные особенности этих подструктур. Именно этот вопрос стоит сейчас перед социологами, ибо без конкретного исследования нельзя идти дальше и в теоретическом анализе, а также в изучении конкретных путей преодоления имеющихся социальных различий.

С н о с к и

¹ В настоящей статье реферативно излагаются основные понятия, относящиеся к социально-классовой структуре развитого социалистического общества.

² Можем выделить три аспекта социальной структуры:
— в наиболее общем смысле под элементами социальной струк-

- туры понимаются качественно определенные области общественной жизни (экономика, политика и т.п.) или соответствующие им общественные отношения;
- под социальной структурой понимается совокупность социально-классовых, социально-демографических, этнических и прочих структур;
 - в особом смысле социальная структура понимается только как структура социально-классовая.
- 3 Термин "представитель интеллигенции" часть авторов заменяет термином "специалист", а термин "служащий" - термином "служащий-неспециалист". В таком смысле эти термины мы и будем использовать в дальнейшем.
- 4 В обществе могут быть и несколько иные по характеру социальные слои, состоящие из представителей различных классов. Например, интеллигенция в условиях современного капитализма, характеризуемая еще А.Грамши как распадающаяся на три части: традиционную, органически включающуюся в рабочий класс или в буржуазию.
- 5 Некоторые авторы придают термину "социальный слой" более широкий смысл, чем социальная группа. Например, "социальный слой интеллигенции и служащих" в социалистическом обществе. Такое употребление термина может привести к путанице, так как интеллигенция в нашем обществе не включает в свой состав весьма разнородные в классовом отношении элементы, является однородной, но дифференцированной внутри социальной группой.
- 6 Например, в советском рабочем классе выделяют три основных социальных слоя: неквалифицированные и мало квалифицированные рабочие, рабочие средней квалификации, высококвалифицированные рабочие.
- 7 Нужно четко разграничивать классовое деление общества (как формы проявления социально-экономического содержания труда, разделения труда) и профессионального разделения труда (как формы проявления содержания технико-организационного разделения труда [46, с. 152]).

- 8 В условиях, когда сохраняется социально-экономическая неоднородность труда и т.п., когда различные социально-экономические функции общественного производства закрепляются за различными социальными группами и слоями людей, профессиональное разделение труда выражает совокупность конкретных видов труда, присущих этим социальным группам и слоям, закрепленным за ними.
- 9 Современные точки зрения по данным вопросам подытожило, состоявшееся в 1972 году в Москве совещание о рабочем классе и его месте в социально-классовой структуре социалистического и капиталистического общества. Об этом совещании сообщается в журнале "Научный коммунизм" за 1973 г., № 3. В опубликованных материалах говорится, что точка зрения, распространенная в 1960-1961 гг. в отношении рабочего класса капиталистического общества была скороспелой. Рабочий класс нельзя рассматривать так широко, включая в него служащих контор, техническую интеллигенцию и даже некоторую часть государственных чиновников. Главное же заключается в том, что наблюдается тенденция к сближению рабочего класса, служащих и технической интеллигенции. См. "Научный коммунизм", 1973 г., № 3.
- 10 Нельзя также согласиться с теми авторами, которые объединяют с рабочим классом младший обслуживающий персонал (уборщицы, гардеробщицы и др.) и работников охраны-защиты (вахтеры и др.), обосновывая это тем, что работа по своему характеру не умственная и те, кто занят этой работой, ближе к рабочему классу. Об этом см. подробнее [38, с. II9].
- II Подсобное хозяйство выполняет двойную функцию: во-первых, дает дополнительный, кроме основного доход от коллективного хозяйства, во-вторых, полученная от подсобного хозяйства сельскохозяйственная продукция дает дополнение к государственной и кооперативной продукции. Следует иметь в виду, что огородные участки имеют и совхозные рабочие и работающие в совхозах представители интеллигенции и служащие, т.е. этот признак характеризует не только колхозное крестьянство.

- I2 По такому мнению к колхозному крестьянству относились бы следующие группы:
- а) самая большая категория колхозников, связанная с малоквалифицированным ручным трудом;
 - б) категория колхозников, близких по характеру труда к квалифицированным городским рабочим, а частично и инженерно-техническим работникам;
 - в) сельскохозяйственные работники, которые по характеру труда являются инженерно-техническим персоналом колхозного производства (председатели колхозов, специалисты);
 - г) небольшая группа служащих колхозного производства, т.е. часть работников административного аппарата колхозов [20, с. 91-92].
- I3 Среди колхозного крестьянства как класса советского общества выделяют два социальных слоя: группы не имеющие профессии и квалификации и имеющие квалификацию и профессию (механизаторы и аналогичные категории) [35, с. 68].
- I4 Некоторые авторы не разделяют эту точку зрения и присоединяют интеллигенцию целиком или частично к основным классам общества [22, 25, 49].
- I5 Роль в общественном разделении труда выступает как важнейший критерий внутриклассовых различий, позволяющий установить различия между слоями и также внутри служащих-неспециалистов, занятых малоквалифицированным трудом (вахтеры, табельщики и т.д.) и со средней квалификацией (счетоводы, продавцы и т.д.). Критерием деления служащих по квалификации является определенный характер труда, которым они заняты, их общеобразовательная и культурная подготовка, а также степень профессионального мастерства, стаж работы и производственный опыт. Следует иметь в виду, что квалификация работников определяется здесь не уровнем образования, а степенью мастерства [37].

Л и т е р а т у р а

1. В.И. Ленин. ПСС, т. 5.
2. В.И. Ленин. ПСС, т. 8.
3. В.И. Ленин. ПСС, т. 29.
4. В.И. Ленин. ПСС, т. 39.
5. К. Акмурадов. К вопросу об изменениях в социальной структуре колхозного крестьянства в период строительства коммунизма. — В сб.: Изменение социальной структуры советского общества. Вып. 10, Свердловск, 1971.
6. А.А. Амвросов. От классовой дифференциации к социальной однородности. М., 1972.
7. А.А. Амвросов. Социальная структура советского общества. М., 1975.
8. А.А. Амвросов, В.И. Староверов. Изменение структуры сельского населения в СССР. — В кн.: "Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше". Москва-Варшава, 1974.
9. П.П. Амелин. Интеллигенция и социализм. Л., 1970.
10. Ю.В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
11. В.И. Астахова. Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков, 1976.
12. Л.С. Бляхман, О.И. Шкаратан. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1973.
13. И.Е. Ворожейкин, С.Л. Сенявский. Рабочий класс — ведущая сила советского общества. (Вопросы методологии и историографии). М., 1977 г.
14. Ф.И. Воронов. Некоторые тенденции изменения профессиональной структуры колхозного крестьянства в условиях научно-технической революции. — В кн.: "Проблемы социальной структуры села". Минск, 1971, с. 58-64.
15. Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. Социальное развитие советского рабочего класса и изменение его структуры. — В кн.: "Рабочий класс, производственный коллектив, научно-техническая революция", М., 1971 г.

16. В.П. Иванов. Некоторые вопросы изучения состава сельской производственной интеллигенции в условиях научно-технического прогресса. — В сб.: "Социальные аспекты научно-технической революции". М., 1973, с. 101-108.

17. Из истории советской интеллигенции. Новосибирск, 1974.

18. Изменения социальной структуры социалистического общества. М., 1976.

19. М.И.Иовчук, А.Г.Харчев, В.А. Ялов. Актуальные теоретические проблемы марксистско-ленинской социологии в СССР, "Философские науки", 1970, № 5.

20. Классы, социальные слои и группы в СССР, М., 1968.

21. В.В.Колбановский. Влияние научно-технического прогресса на структуру рабочего класса в СССР. — В кн.: "Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше", Москва-Варшава, 1974.

22. С.А.Кугель. Новое в изучении социальной структуры общества. Л., 1965.

23. К.И.Микульский. Классовая структура общества в странах социализма. М., 1976.

24. Э.Э.Мурниек. О критериях внутриклассовой дифференциации колхозного крестьянства. — В сб. "Изменение социальной структуры советского общества". Вып. 10, Свердловск, 1971, с. 29-33.

25. Некоторые проблемы изучения социальной структуры общества. Л., 1968.

26. М.А.Орел. О социальных границах и структуре советского рабочего класса. "Материалы ко второй Всесоюзной конференции по социальной структуре общества". Свердловск, 1973 г.

27. Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше. М., 1976.

28. Р.Пуллат. Социальная структура Советской Эстонии. Таллин, 1976.

29. Рабочий класс развитого социалистического общества. М., 1974.

30. Б.Г.Русских. Проблемы развития социальных прослоек в период строительства коммунизма (на примере служащих). М., 1969.

31. М.Н.Руткевич. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1977.

32. М.Н.Руткевич. Интеллигенция как социальная группа социалистического общества и ее сближение с рабочим классом в СССР. - В сб.: "Изменение социальной структуры социалистического общества". Свердловск, 1965, с. 22.

33. М.Н.Руткевич. В.И.Ленин и проблемы развития интеллигенции. - В кн.: "Ленинизм и теоретические проблемы современного социального развития". М., 1974.

34. М.Н.Руткевич. Методологические проблемы изучения социальной структуры социалистического общества. Свердловск, 1972.

35. М.Н.Руткевич. Тенденции изменения социальной структуры советского общества (статья первая). "Социологические исследования", 1975, № I.

36. М.Н.Руткевич. Тенденции развития социальной структуры советского общества. М., 1975.

37. В.С.Семенов. Сфера обслуживания и ее работники. М., 1968.

38. С.Л.Сенявский. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938-1970, М., 1973.

39. П.И.Симуш. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976 г.

40. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР. М., 1976.

41. Социальная структура развитого социалистического общества (Закономерности развития и проблемы научного регулирования). Саранск, 1974.

42. Социологические исследования процессов изменения социальной структуры советского общества. М., 1973.

43. В.И.Староверов. Советская деревня на этапе развитого социализма. М., 1976.

44. Строительство коммунизма и развитие общественных отношений .

45. Г.И. Токарева. Современная научно-техническая революция и инженерно-техническая интеллигенция. - В сб.: "Социальные аспекты научно-технической революции".

46. И.И. Чангли. Труд. М., 1973, с. 152.

47. С.Г. Чаплыгина. Различия среди работников умственного труда и пути их преодоления. - В сб. "Изменения социальной структуры социалистического общества". Свердловск, 1965.

48. О.Г. Чаплыгина, А. Червонская. Интеллигенция в социалистическом обществе. - "Философские науки", 1971.

49. О.И. Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса в СССР. М., 1970.

I. Aimre, M. Titma

Problems of Studying the Social and Class Structure
of a Developed Socialist Society

Summary

During the past decade social scientists have extensively studied problems of the social structure of society.

This article gives a survey of the most important achievements in this field. The authors attempt to describe the social and class structure of a developed socialist society and to define its elements (classes, social groups, and strata). Besides differentiating between the working class, collective farmers, and employees and intellectuals, the authors analyse the internal structure of these classes and social groups. It follows from the analysis that most of the theoretical problems connected with defining the classes and major social groups and subgroups have been solved. However, the social structure of society needs a thorough empirical investigation, especially by means of comparative analysis. This is at present the most important task facing our sociologists for otherwise any theoretical advance of the research carried out in this field is impossible.

В.И. Пароль

УРБАНИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный коммунизм как цельная теория о наиболее общих закономерностях перехода человечества к коммунизму всегда уделял пристальное внимание постоянному повышению роли городов как центров наиболее передовых форм производственной и культурной деятельности общества. К. Маркс писал: "Капиталистическое производство постоянно увеличивает перевес городского населения, которое это производство скопляет в крупных центрах, накапливает тем самым историческую силу движения общества вперед" [1, с. 514].

Вскрывая социально-экономическую природу урбанизации, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что "разделение труда в пределах той или иной нации приводит прежде всего к отделению промышленного и торгового труда от труда земледельческого и, тем самым, к отделению города от деревни [2, с. 20]. Однако подчинение деревни городу являло собой не только мощный стимул общественного прогресса, но постепенно, по мере дальнейшего развития производительных сил, порождало тенденцию к ликвидации противоположности между городом и деревней, являвшуюся как "прямой необходимостью для самого промышленного производства, так и для производства сельскохозяйственного" [3, с. 307-308]. Социализм, писал В.И. Ленин, приведет к возникновению нового расселения человечества с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоположного скопления гигантских масс в больших городах" [4, с. 74].

В связи с бурным развитием производительных сил, в условиях современной фазы научно-технической революции, происходят качественные сдвиги в процессах, определяющих

характер, динамику и формы урбанизации.

Современная фаза урбанизации является одним из важнейших социальных процессов нашего времени. Она носит глобальный характер, охватывая как капиталистические, так и социалистические страны. Так, если в 1940 году городское население составляло 25% жителей земного шара, то в 1974 году оно достигло 33% (соответственно по СССР 32 и 60%) [12]. Предполагается, что к 1980 году 46% населения нашей планеты будет жить в городах, а к 2000 году — 51%, т.е. горожане превысят число сельских жителей [12]. В нашей стране доля городского населения в 1980 году составит примерно 68%. Не менее высокий удельный вес горожан ожидается в Западной Европе, Северной Америке, Австралии и Латинской Америке, где к концу века будет жить в городах ориентировочно от 71 до 87% населения. Все большая концентрация производства и населения вызывает серьезные качественные изменения в социальной структуре общества, в характере образа жизни, психологии и культуре жителей урбанизированных районов. Она активно воздействует также на социальные процессы в сельской местности. Таким образом, урбанизация — сложное явление, каждая сторона которого находится в диалектическом взаимодействии, она требует как комплексного общесоциального, так и специфического анализа в рамках отдельных общественных дисциплин.

При всей схожести во внешних проявлениях технологических, информационных и демографических процессов, происходящих в условиях капитализма и социализма под влиянием НТР и урбанизации, нельзя не видеть существенных различий в их социальных последствиях, обусловленных противоположностью общественных систем. Стихийный характер развития капитализма, несмотря на паллиативы государственно-монополистического регулирования, в конечном счете оказывает отрицательное воздействие на урбанистические процессы. Интересами крупнейших фирм в первую очередь определяются главные направления формирования жизненной среды города. Потребности трудящихся учитываются в городской политике капиталистических государств постольку, поскольку принимает все более грозные размеры кризис городов, превратившийся в одну из наиболее острых болезней новей-

шего капитализма. Рост бедности, безработицы и жилищный кризис в сочетании с обострением политических и экологических проблем городов — таковы симптомы этой болезни.

Иным содержанием отличается динамика городской системы в условиях социализма. Наиболее характерная ее черта — отсутствие социальных антагонизмов, планомерное и гармоничное развитие как самой урбанистической среды, так и субъектов деятельности и отношений между ними.

Марксистско-ленинские партии, анализируя проблемы социалистического типа урбанизации теоретически осмысливают происходящие процессы, изучают социальный механизм их действия, стремятся определить наиболее эффективные способы управления формированием единой системы расселения. Особое значение представляет теоретическая деятельность КПСС по выяснению перспективных направлений современной фазы социалистической урбанизации и преодолению имеющегося еще несоответствия в социальном и культурном развитии различных районов СССР. XXIV и XXV съезды КПСС закрепили в качестве ведущей линии в экономическом развитии нашей страны курс на интенсификацию производства и на ускоренное улучшение условий материальной и культурной жизни трудящихся, на быстрые темпы социальных изменений. Исходя из важнейших теоретических положений Программы КПСС, характеризующих социальные и духовно-идеологические отношения в процессе перехода от социализма к коммунизму, XXIV и XXV съезды КПСС сформулировали конкретную социальную программу на основе долгосрочного курса по рациональному размещению производительных сил и ускорению технического прогресса. Как отметил XXV съезд КПСС, усложнение социальных явлений в современных условиях настоятельно диктует "разработку комплексных программ по наиболее важным научно-техническим, экономическим и социальным проблемам... В числе первоочередных предстоит разработать программу развития производственной базы атомной энергетики, программу механизации ручного и физического тяжелого труда, программы формирования крупных территориально-производственных комплексов" [5, с. 24].

Программа единой системы расселения (ПЕСР) призвана сбалансировать решения широкого круга вопросов территори-

ального развития советского общества. Важнейшими направлениями этой программы следует считать:

оптимизацию развития крупнейших городов как центров агломераций и урбанизированных районов;

расширение состава и повышение комплексности полифункциональных городов разного ранга — опорных центров второго уровня ЕСР (республиканских, областных, окружных);

агломерирование (в основных районах расселения) небольших монофункциональных городов и поселков, а также местных центров;

укрупнение и агломерирование сельских поселений;

формирование новых поселков и городов в районах интенсивного хозяйственного освоения (в частности, на Востоке, Крайнем Севере, в Средней Азии, где создаются территориально-производственные комплексы).

В рамках формирования ЕСР создаются благоприятные условия преодоления существенных различий между городскими и сельскими поселениями, разными типами поселений, районами и зонами точечных городских и сельских поселений.

Выполнение этой сложной и многогранной программы оптимизации экономических и социальных сторон урбанистических процессов в нашей стране явится важной вехой по претворению в жизнь решений XXV съезда КПСС, по созданию экономических и социальных предпосылок коммунизма.

Разработка ПЭСР должна происходить как на всесоюзном, так и на региональном (республиканском) уровнях. Причем опасно распространять общие тенденции урбанистических явлений без учета местных условий на все районы нашей страны. Ибо, например, прибалтийские условия заметно отличаются от сибирских и дальневосточных, тогда как эти районы совершенно не схожи с основными районами Европейской части СССР. Одним словом, ЕСР опирается на региональные системы расселения (РСР), вбирающие в себя специфику многообразных условий громадной страны. ЕСР-(РСР) — это комплексная программа, она создается на основе усилий представителей разных отрядов обществоведения, в том числе философов, экономистов, социологов. Социологический аспект ПЭСР недостаточно еще разработан.

Из многочисленных публикаций, рассматривающих социологические аспекты урбанизации вообще и проблему ликвидации существующей социальной неоднородности между различными типами городов социалистического общества в особенности, следует отметить работы Л.С.Бляхмана, Л.А. Гордона, Л.Н.Когана, Э.В.Клопова, В.И.Переведенцева, Б.С. Хорева, О.И. Шкаратана и ряда других социологов и урбанистов, экономистов, географов, градостроителей, социальных психологов и демографов [7, 9, 10, 16, 18, 19]. Особенно интенсивно разрабатывались изменения социальной структуры различных типов городов и разнообразные формы территориальной, профессиональной и социальной подвижности, процессы урбанизации и адаптации мигрантов к городской среде, вопросы распространения городского образа жизни как среди населения больших и малых городов, так среди сельских жителей, проблемы функционирования социальных групп, различающихся по культурному статусу, по роли в сфере быта, по ценностным ориентациям и по характеру проведения свободного времени с учетом уровня развития культурной среды различных социально-экономических типов городов.

Однако, несмотря на расширившийся в последнее время фронт исследовательских работ в рамках городской социологии, нужно констатировать их некоторое отставание как от смежных разделов (изучение социального развития производственного коллектива и основных закономерностей изменения социальной структуры общества), так в еще большей степени от требований комплексного социального изучения города, как особого вида социальной общности. Из ряда наиболее актуальных вопросов, как нам представляется, на передний план выдвигается разработка системы индикаторов социального развития поселений различного типа. Разворачивающаяся работа по составлению планов социального развития ряда городов СССР (Ленинград, Нижний Тагил, Уфа, Таллин, Донецк, Львов и др.) способствовала созданию ряда подходов к проблеме [9, 10, 11, 13, 14, 15].

В данной статье мы остановимся на трех вопросах, лежащих в основе изучения как социального развития городов и регионов, так и единой системы расселения. Это — понятие урбанизации (в социологическом плане), социальная ти-

пизация городов и система индикаторов социального развития.

а) Социологическое понимание урбанизации

Различные группы советских социологов, рассматривая центральные для социологии стороны урбанизации, высказывают несовпадающие мнения. А.С. Ахиезер, Л.Б.Коган, С.Н.Яницкий в урбанизации оттеняют прежде всего "концентрацию, интенсификацию общения, интеграцию разнообразных форм практической деятельности" [6, с. 24]. А.В. Баранов считает, что "Индустриализация изменяет формы работы, урбанизация — способ жизни людей" [17]. Б.С.Хорев и разделяющие его точку зрения социологи и урбанологи подчеркивают в урбанизации прежде всего процесс развития общественного и территориального разделения труда, на фоне которого происходят важнейшие социальные изменения в типе установок на характер деятельности [18].

Наиболее обоснованной, на наш взгляд, представляется последняя точка зрения. Те социологи и урбанологи, которые на передний план в социальных последствиях урбанизации выдвигают изменения образа жизни или характера общения социальных групп, отдельных индивидов, недооценивают основное поле социальных сдвигов в обществе — трудовую деятельность, обуславливающую изменения во всех других сферах человеческой деятельности. Правда, образ жизни и социальное общение очень широкие понятия и несут большой информативный заряд. Социальное общение охватывает область трудовой деятельности наряду с другими видами социальных контактов. То же относится и к образу жизни. Однако труд как важнейшая часть человеческой деятельности остается у авторов, сводящих урбанизацию главным образом к изменениям в характере социального общения или образа жизни, в известном смысле скрытым. К тому же при подобной трактовке понятия легко теряется социальный ориентир и смешиваются разные по своим социальным последствиям типы концентрации населения в различных общественно-экономических формациях.

Социалистическая урбанизация в широком социологическом плане — это процесс "снятия", преодоления общественно-территориального разделения труда, ликвидации основных социальных различий между классами, слоями, социально-про-

фессиональными группами во всех сферах их деятельности и прежде всего в труде. Он порождает сложный, интегрированный тип поведения людей на базе усложняющихся потребностей и систем установок социальных групп и отдельного индивида. Нам представляется наиболее оправданным в социологическом плане такой подход к урбанизации, который раскрывает механизм постепенного преодоления несоответствий между различными общественными группами, а также конкретный характер связей между социальной группой или личностью и городской средой, вызывающей серьезные сдвиги в сознании и поведении людей.

б) Проблема классификации типов городов

Важную роль в исследовании социологических процессов урбанизации выполняет классификация типов городов.

Известны следующие наиболее распространенные виды классификации городов — по численности жителей, по характеру функций различных городов, по генезису, по виду социально-классовой структуры, по типу культурной среды. При социологическом подходе к исследованию городских поселений наиболее приемлемой основой классификации выступает синтетическая, которая учитывает структурно-функциональный тип города, уровень социально-экономического развития различных городских поселений и численность населения, а также перспективы изменения функционального и социального статуса города. См. табл. I.

Наиболее сложной стороной классификации, требующей дополнительного изучения с привлечением обширного статистического материала, является группировка городов по уровню социально-экономического развития. Внешне кажется, что разбивка исследуемых городов по основным видам функционального значения в достаточно полной степени вскрывает существенные различия между городскими поселениями. На самом же деле такая классификация не в состоянии определить степень социальных перепадов между городами, подобно тому, как профессиональный состав не может служить основой для выявления внутриклассовых различий рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции и служащих. В лучшем случае структурно-функциональные типы городов охваты-

Общая схема - группировка городских поселений I)

	свыше 500 т	от 500 до 100 т	от 100 до 50 т	Менее 50 т
I. Многофункциональные города союзного или регионального (крупного экономического района) значения	x	развитые среднеразвитые малоразвитые	развитые среднеразвитые малоразвитые	развитые среднеразвитые малоразвитые
2. Многофункциональные города республиканского или областного значения	x	"	"	"
3. Города-центры внутриреспубликанского или внутриобластного окружного значения	-	"	"	"
4. Города-центры местного или районного значения	-	"	"	"
5. Индустриальные города	-	"	"	"
6. Транспортные города	-	"	"	"
7. Города-курорты или центры туризма	-	"	"	"
8. Города научные или образовательные центры	-	"	"	"

I) Настоящий подход базируется на известной классификации Б.С.Хорева (см. Б.С.Хорев, Городские поселения, М., 1966) с незначительными изменениями, которые учитывают последние работы географов, разработавших применительно к различным экономическим районам страны иерархическую систему городских поселений, где важную роль занимают города - центры округов, состоящих из ряда районов области или республики. Последний момент нашел свое отражение в предостановленной группировке. Кроме того, схема типологии городов основана не только на критерии функциональной значимости городских поселений, но и включает в качестве центрального компонента уровень социально-экономического развития их.

вакт какие-то социальные различия второго порядка, в то время как в наиболее полном виде они предстают, когда учитывается уровень социально-экономического развития города. Для определения уровня социального развития населения используется синтетический критерий, который фиксирует следующие основные показатели социального развития:

1) показатели развития производственной среды – число рабочих мест в целом и число рабочих мест в материальном производстве, в частности, на I тыс. человек занятого населения; число крупных предприятий со среднесписочным составом, превышающим I тыс. человек; разнообразие и степень представительства заводов и фабрик различных отраслей промышленности, доля занятых в машиностроении и современной химии; уровень фондовооруженности, энерговооруженности, степень механизации в среднем на одного производственного работника и аналогичные показатели на одного рабочего в машиностроении и современной химии;

2) показатели развития сферы потребления материальных благ – средний размер заработной платы рабочих и служащих, показатели перепадов в уровнях оплаты по труду между работниками основных отраслей народного хозяйства, средний доход на одного человека в семье, средний размер вклада в сберегательную кассу на одного жителя; доля лиц, живущих ниже уровня среднего стандарта жизни по доходам и по характеру жилищных условий, размер жилья на одного жителя; размер товарооборота на одного жителя; количество торговых мест на I тыс. населения, размер материальных услуг на одного жителя; количество рабочих в сфере бытового обслуживания на I тыс. человек;

3) показатели развития сферы образования и воспитания, охраны здоровья, развития науки, производства и распространения духовной культуры, развития базы отдыха и потребления культурных ценностей; количество научных работников, педагогов и врачей на I тыс. населения; количество мест в детских садах и яслях на I тыс. человек, количество больничных коек на I тыс. человек; количество мест в библиотеках на I тыс. населения; количество мест в учебных заведениях, на стадионах и спортплощадках, в кинотеатрах, театрах, филармониях, концертных залах на I тыс. населения; число занимающихся в

спортивных секциях и кружках художественной самодеятельности на I тыс. человек населения.

4) показатели развития уровня потребностей и ценностно-ориентационной системы горожан и степени их удовлетворения. Уровень развития ЦОС горожан на труд, на досуг, на общественную активность.

На основе соответствующего статистического расчета данных по этим показателям, число которых, разумеется, в зависимости от желания исследователя, стремящегося получить наиболее достоверную картину социальной дифференциации между городами, можно увеличить (в данном случае набор показателей близок к минимуму), составляется детальная группировка городских поселений.

Поскольку опыт классификации городов на основе критерия социально-экономического развития практически отсутствует, постольку наиболее рациональнее представляется пользоваться двумя видами типологии городов - как чисто социальной, так и смешанной, социально-функциональной. В первом случае - все исследуемые городские поселения разбиваются на 4 типа, самые крупные многофункциональные города рассматриваются как наиболее развитые в социальном отношении, далее идут развитые, среднеразвитые и малоразвитые города, а во втором - вначале на 64 вида городов (в каждом из семи функциональных типов городских поселений по 9 конкретных видов городов в зависимости от уровня его социально-экономического развития и размера + многофункциональный тип городских поселений с населением свыше 500 тыс. чел.). Пользоваться такой громоздкой классификацией, естественно, крайне неудобно, поэтому можно предложить выделить следующие укрупненные смешанные социально-функциональные типы городских поселений.

1. Многофункциональные города с населением свыше 500 тыс. чел., центры республик, крупных экономических районов, крупных областей.

2. Развитые города - центры территориальных округов (внутриреспубликанских или внутриобластных) с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

3. Малоразвитые города - центры территориальных округов (внутриреспубликанских и внутриобластных) с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

4. Развитые города - центры административных районов с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

5. Малоразвитые города - центры административных районов с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

6. Развитые индустриально-транспортные города с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

7. Малоразвитые индустриально-транспортные города с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

8. Развитые города - центры науки и здравоохранения с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

9. Малоразвитые города - центры науки и здравоохранения с населением свыше 100 тыс., свыше 50 тыс., менее 50 тыс. чел.

В соответствии с социологическим подходом к исследованию, исходя из общих теоретических предпосылок, а также базируясь на некоторых общих принципах социальной типологии городов, представляется возможным сформулировать конкретные задачи программы исследования.

Определение степени социальных несоответствий между различными типами городских поселений в наиболее урбанизированной зоне Советского Союза (Прибалтика /Латвия, Эстония/, Урал /Свердловская и Челябинская обл./, Донецкая, Днепропетровская обл., Армения, Центральный экономический район /Тульская обл./) на основе вышеприведенных показателей социальной дифференциации городских поселений. Это позволит выявить основные тенденции развития социалистической урбанизации в ближайшей перспективе.

Наиболее характерные черты социальных различий между крупными многофункциональными и малыми многофункциональными городами

Тип города	Характерные пропорции между основными соц.-проф. группами населения	Демографическая структура населения	Основное поле территориальной мобильности	Основное поле социальной мобильности	Условия труда
Крупный город	Выше средних показателей доли интеллигентов-специалистов, квалифицированных рабочих, ниже неквалифицир. рабочих и служащих-неспециалистов	Меньшие, чем средние, показатели доли зател и доли лиц трудоспособного возраста. Меньше детей и меньше доля пенсионеров	Въезд мигрантов превышает отток. Массовый въезд мигрантов из села и малых городов в основном прекратился	Выше средних показателей возможности для социального продвижения	Выше средних показателей по стране. Доля лиц с тяжелыми условиями труда ниже средних показателей
Малый город	Ниже средних показателей доли интеллигентов-специалистов, квалифицированных рабочих, выше неслужащих-неспециалистов	Значительно меньший удельный вес лиц трудоспособного возраста, чем в среднем по городам: больше детей и несколько больше доля пенсионеров	Отток мигрантов превышает въезд. Массовый отток мигрантов в основном прекратился	Ниже средних показателей возможности для социального продвижения	Ниже средних показателей по стране. Доля лиц с тяжелыми условиями труда выше средних показателей

Источники по материалам обследования и интервьюированных в работах:

Б.С. Хорев. Проблемы городов. М. "Мысль", 1971; "Духовный мир советского рабочего" М., "Мысль", 1972; Т.И. Заславская. Миграция сельского населения. М., "Мысль", 1970; Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. Человек после работы. М., Наука, 1972; Аналогичные данные опубликованы автором. См. В.И. Пароль. Изменение социальной структуры производственного коллектива ЭССР за годы семилетки. Прибалтийским советским республикам тридцать лет. Вильнюс, 1970.

Показатели социальных различий

Тип города	Размер зарплаты	Доля лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума	Характер жилищных условий	Характер ценностных ориентаций на труд	Степень удовлетворенности условиями труда и быта
Крупный город	Доля лиц, имеющих среднемесячную зарплату 150 рублей, выше, чем в среднем по стране	Доля лиц, имеющих в расчете на одного члена семьи 70 рублей дохода в месяц, выше, чем средние показатели	По размеру и в особенности по удобствам выше средних показателей по стране	Выше, чем в среднем по стране, доля лиц с ориентацией на содержание труда	Выше, чем в среднем по стране, доля лиц, удовлетворенных условиями труда и быта данной местности
Малый город	Доля лиц, имеющих среднемесячную зарплату 150 рублей, ниже, чем в среднем по стране	Доля лиц, имеющих в расчете на одного члена семьи свыше 70 рублей дохода в месяц, ниже, чем средние показатели по стране	По размеру и в особенности по удобствам ниже средних показателей по стране	Ниже, чем в среднем по стране, доля лиц с ориентацией на зарплату	Ниже, чем в среднем по стране, доля лиц, удовлетворенных условиями труда и быта данной местности

Социальные различия между типами городских поселений определяются в сфере труда, быта, досуга и культуры; учитываются как объективные, так и субъективные параметры, создающие условия для выявления наиболее существенных перепадов между социальс-функциональными типами городских поселений с прожективным результатом, в усредненном виде сведенным для наглядности в табл. 2.

Л и т е р а т у р а

1. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23.
2. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 3.
3. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.20.
4. В.И.Ленин. ПСС, т. 26.
5. XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. М., Политиздат, 1976, т. 2.
6. А.С.Ахмезер, Л.Б.Коган, О.Н.Яницкий. Урбанизация, общество и научно-техническая революция. "Вопросы философии", 1969, № 2, с. 44.
7. Л.С.Бляхман. ИТР, рабочий класс, интеллигенция. М., 1972.
8. М.В.Борщевский, С.В. Успенский, О.И.Шкаратан. Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического развития. М., 1975.
9. Л.А.Гордон, Э.В.Клопов. Человек после работы. М., 1972.
10. Духовный мир советского рабочего. М., 1972.
11. Перспективные проблемы социального развития монопромышленного города. М., 1974.
12. Ю.И.Пивоваров. Современная урбанизация, сущность, факторы и особенности изучения.- Сб.: "Проблемы современной урбанизации". М., 1972.
13. Планирование социального развития городов. М., 1973.
14. Планирование социального развития городов. М., 1975.
15. Проблемы социального планирования в городе и регионе. ЛДУ, 1976.
16. Социальное и национальное. М., 1972.

17. "Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции". Советский фонд мира. 1970.

18. Б.С.Хорев. Проблемы городов. М., 1975.

19. О.И.Шкаратан. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970.

V. Parol

Urbanisation as an Object of Sociological
Research

Summary

The bases of the programme of sociological research dealing with the most important processes of socialist urbanisation are examined in the article. A synthetic classification of towns according to their functional type and the level of social and economic development is given. A scheme of essential differences of large and small towns has been drawn.

K. Hallik

SOTSIAALSETE SUHETE ISELOOMUST MITMERAHVUSELISES
KESKKONNAS

Rahvussuhted kuuluvad ühiskondlike suhete süsteemi, olles orgaaniliselt seotud ühiskonna sotsiaalmajanduslike, sotsiaalpoliitiliste ning vaimsete suhetega. Rahvussuhete vahetuks aluseks on ühiskonna sotsiaal-etniline struktuur. See moodustub inimkollektiividest, kelle sisemise organisatsiooni aluseks on ühelt poolt etniliste momentide (keel, eneseteadvus, kultuuri ja psüühika etnilised erijooned) ja teiselt poolt sotsiaalmajandusliku ja sotsiaalpoliitilise struktuuri orgaaniline ühtsus. Ajalooprotsessi peamised subjektid (ühiskondlikud klassid) realiseerivad oma sotsiaalse rolli rahvuslikes piirides ka siis, kui see roll on oma olemuselt internatsionaalne. Seepärast tunnistab marksistlik ühiskonnateooria klasside kõrval ühiskondlike suhete subjektidena ka rahvusi kui terviklikke, suhteliselt autonoomseid ühiskondlike üksusi. Töölisklassi huvisid ja lõppeesmärke silmas pidades on rahvuslike momentide arvestamine eriti tähtis sotsiaalpoliitilises valdkonnas. Näiteks märkis F. Engels kirjas K. Kautskyle (7. II 1882), et proletariaadi internatsionaalne liikumine on üldse võimalik vaid iseseisvate ja võrdsete rahvuste hulgas [2, lk. 220-221]. V.I. Lenin pidas proletariaadi enesemääramise, tema poliitilise ja ideelise iseseisvumise ning kodanluse poliitikast ja ideoloogiast täieliku eraldumise üheks oluliseks eeltingimuseks rahvusliku enesemääramise õiguse tunnustamist ja praktilist elluviimist [3, lk. 152-154].

Nõukogude Liidu praegune sotsiaal-etniline struktuur on tekkinud rahvusküsimuse lahendamise tulemusel, millega tagati nii suurte kui väikeste rahvaste taassünd ja sisemiste arenguvõimaluste realiseerumine. Rahvussuhete peamisteks subjektideks on sotsialistlikud rahvused ja rahvad, kel on rah-

vusriiklike piiridega fikseeritud kompaktna asustusala. Majanduse, riikluse, sotsiaalsete suhete ja kultuuri arendamine rahvuslike momente arvessevõtvalt on taganud rahvuslike koosluste sisemise seotuse ja terviklikkuse süvenemise, nende sotsiaalse uuenemise ja etniliste karakteristikute taastootmise. Kõrvuti rahvuste ja rahvastega kui terviklike sotsiaal-etniliste kooslustega on NSV Liidu rahvuslikus struktuuris eristatavad rahvuste ja rahvaste etnograafilised ja kultuurilis-territoriaalsed allüksused, mis on rahvusesiseste etniliste suhete subjektideks. Peale nimetatute kuuluvad meie maa sotsiaal-etnilisse struktuuri nii välismaise kui kohaliku päritoluga rahvusrühmad, kes elades muurahvuselises keskkonnas, on säilitanud suuremas või vähemas ulatuses oma etnilised iseärasused.

Vaatamata sellele, et sotsiaal-etniliste koosluste rahvusliku konsolideerumise potentsiaalsed võimalused pole võrdväärsed, on nii rahvused, rahvad kui ka etnograafilised ja rahvusrühmad sotsiaalselt ühetüübilised. Sellest tulenevalt kannavad ka sotsialistliku ühiskonna rahvussuhted sotsialistlikku sisu ja neis realiseeruvad selle ühiskonna üldised seaduspärasused ja printsiibid.

Kõige üldisemalt on rahvussuhete objektiks rahvuslikud erinevused, nii etnilised (keele, eneseteadvuse, olme, kultuuri ja psüühika vallas) kui ka sotsiaalmajanduslikud (majanduse arengu tase ja eripära, rahvusvahelises tööjaotuses osalemise erijooned, majanduselu struktuur, töötingimused, sotsiaalne struktuur, poliitilise elu organiseerimise erijooned, kultuuritase). Teine rahvuslike erinevuste rühm mõjutab määravas ulatuses rahvuste eluliselt tähtsaid majanduslike, sotsiaalseid ja poliitilisi huvisid. Need rahvuslikud erijooned on peamiseks teguriks, miks rahvustevahelised suhted kannavad sotsialistlikus ühiskonnas sotsiaalpoliitilist iseloomu. Sotsialistlike rahvussuhete sotsiaalne ja poliitiline iseloom tingib nende riikliku ja parteipoliitilise reguleerimise, mille ülesanne on "... leida kõige õigemaid teid eri rahvuste ja rahvusrühmade arenemiseks ning nende igaühe huvide kõige õigemaks seostamiseks kogu nõukogude rahva ühiste huvidega" [4, lk. 22].

Rahvussuhted ei esine ühiskonnas "puhtal" kujul, vaid on orgaaniliselt põimunud kõikidesse ühiskondlikesse suhe-

tesse. Nende suhete ühe tasandi eristumine rahvussuhetena tuleneb rahvuse kui erilise ühiskondliku subjekti olemusest. Rahvussuhete struktuur kujuneb neis ühiskonnaelu valdkondades, kus rahvused lävivad, koos töötavad, vastastikku üksteist mõjutavad, võistlevad või võitlust peavad [14, lk. 83-86]. Sotsiaalse arengu eripära tõttu võib rahvussuhete struktuur küllaltki ulatuslikult varieeruda sõltuvalt sotsiaalmajanduslike, poliitiliste, kultuuriliste või psühholoogiliste faktorite tähtsusest ja osakaalust eri rahvuste vahelistes suhetes. Rahvusesisesed ja rahvustevahelised suhted on omavahel dialektiliselt seotud. Rahvusesisesed sidemed, nende intensiivsus ja hierarhia avalduvad ka rahvustevahelistes suhetes ja mõjutavad nende struktuuri.¹ Nõukogude Liidu rahvussuhetes, mille subjektideks on rahvused ja rahvad, s.o. teraviklikud sotsiaal-etnilised kooslused, on esindatud sotsiaal-majanduslike, sotsiaal-klassiliste, poliitiliste, ideoloogiliste, esteetiliste jt. ühiskondlike suhete valdkonnad.

Nõukogude Liidu sotsiaal-etnilise struktuuri eripäraks on asjaolu, et kõrvuti oma rahvuslikul territooriumil elavate rahvuste ja rahvastega on hulgaliselt rahvuslikke rühmitusi, kes elavad muurahvuselisest keskkonnast. Kõigepealt on need võõramaise päritoluga Nõukogude Liidu kodanikud, kel puuduvad oma rahvusriiklikud territooriumid. Peale selle elab (1970. a. rahvaloenduse andmeil) väljaspool oma vabariiki näiteks 16,5 % venelasi, 13,3 % ukrainlasi, 19,5 % valgevenelasi, 38 % armeenlasi, 74,1 % tatarlasi jne. [15, lk. 102]. Migratsiooni tõttu on segarahvastikuliseks muutunud praktiliselt kõikide liidu- ja autonoomsete vabariikide elanikkond, kusjuures mõnedes neist on rahvusrühmade osakaal küllaltki kõrge. 1970. a. moodustasid vähemusrahvused neljas liiduvabariigis umbes ühe viiendiku, seitsmes vabariigis 25 - 35 %, kahes vabariigis üle 40 % ja kahes vabariigis üle poole elanikkonnast. Rahvusrühmadel ei ole oma iseseisvat sotsiaalma-

¹ Rahvussuhete sellele küljele pöörasid omal ajal tähelepanu juba K. Marx ja F. Engels, kes märkisid, et rahvuste omavahelised suhted olenevad sellest, kui võrd igaüks neist on arendanud oma tootlikke jõude, tööjaotust ja rahvusesisesid sidemeid. Kuid mitte ainult rahvuste suhted üksteisega, vaid ka kogu rahvuse enese sisemine struktuur sõltub tema tootmise arenemise tasemest ja tema sisemistest ja välistest sidemetest. (Vt. K. M a r x, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 3, с. 19-20.)

janduslikku organisatsiooni või riiklust, nad osalevad ühiskondlikus elus koos põhirahvusega, neil on ühine majanduselu, riiklus. Kerkib küsimus, mil määral suhted põhirahvuse ja rahvusrühmade vahel on iseloomustatavad rahvussuhetena (eespool märgitud tähenduses).

Mitmerahvuselistele kollektiivide suhete iseloomu määratlemine nõuab kas või kõige üldisemalgi kujul vastust küsimusele - mida kujutab enesest rahvusrühm, milline on tema sotsiaal-etniline staatus?

Ammendavat vastust sellele küsimusele nõukogude rahvussuhete uurijad praegu ei anna. Probleem on aga püstitatud ning esitatud ka lähtekohad tema uurimiseks. S. Kaltahtšjan, pidades rahvuse peamiseks tunnuseks majanduslikku tunnust ja rahvust sotsiaal-majanduslikuks inimeste ühenduseks, ei pea eksterritoriaalseid rahvusrühmi üldse rahvuse koosseisu kuuluvaiks, sest nad pole ühendatud rahvusega majanduslike ja poliitiliste sidemetega [11, lk. 211]. Niisugusest rahvusrühmade olemuse mõistmisest tuleneb, et muurahvuselisse keskkonda toovad nad ainult kitsalt etnilised (peamiselt keele) erisused ja nende sotsiaalne ning kultuurialane areng peaks täielikult ühtima põhirahvuse omaga. On avaldatud ka vastupidiseid seisukohti, mille kohaselt rahvusrühmad suutvat uude keskkonda adekvaatselt üle kanda oma rahvuse sotsiaalset organisatsiooni, töö ja kultuuri vorme [7, lk. 277] ning etendada märkimisväärset osa rahvusliku elu internatsionaliseerimises [16, lk. 36-38].

Eitamata täielikult kumbagi neist seisukohtadest, on selge, et nad on liiga ühekülgsed paljurahvuselistele kollektiivide olemuse hindamiseks. Ühest lahendust rahvusrühmade sotsiaal-etnilise staatus määratlemisel raskendab nende rühmade eripalgelisus. Kõrvuti kompaktselt paiknevate suuremate rahvusrühmadega on paljurahvuselistes piirkondades hulgaliselt hajaasustusega väikerühmi ja üksikisikuid. (Näiteks elab Eesti NSV-s peale eestlaste üle poolesaja rahvuse esindajaid, kusjuures peaaegu neli viiendikku mitte-eesti elanikkonnast moodustavad ainuüksi venelased). Peale selle tuleb rahvusrühmade staatus määratlemisel arvestada tõsiasi, et kõrvuti alalise paikse elanikkonnaga neis rühmades on nimetamisväärselt suur nõrgalt paigastunud migreeriva töötajakonna osa. (Näiteks lahkus Kasahstanist 1968.-1969. a. 444 000

inimest, saabus aga 422 000; Usbekistanist lahkus samal perioodil 203 000 inimest, saabus 120 000 [8, lk. 161-162]. Migratsioonivooludesse lülitub palju inimesi, kes juba pikema aja jooksul on lahti kistud oma rahvuslikust keskkonnast, mistõttu rahvusliku kultuurisüsteemi taastootmine toimub neis vaid piiratud ulatuses. Sellele viitab muuhulgas kõrge keelelise assimileerumise aste eksterritoriaalsetes rahvusrühmades. 1970. a. pidas oma rahvuse keelt emakeeleks vaid 40,8 % eksterritoriaalseid valgevenelasi, 48,4 % ukrainlasi, 51,4 % lätlasi, 53,5 % eestlasi [15, lk. 303].

Ühiskondlike organismide, sealhulgas ka sotsiaal-etniliste koosluste oluliseks tunnuseks on nende sotsiaalne ja bioloogiline taastootmine, mis eeldab rühmasiseste seoste olemasolu [13, lk. 23]. Siit tulenevalt ei saa mitte kõiki eri rahvuste esindajaid rahvusrühmadena vaadelda, vaid ainult neid, keda seovad omavahelised etnilised ja sotsiaalsed sidemed. Näiteks on rahvuslike sidemete reprodutseeriv võime Eesti NSV-s elavatest arvukamatest rahvusrühmadest tugevaim venelastel. Rahvuskeel esineb emakeelena 98,4 % venelastest, 51,9% ukrainlastest, 43,4 % valgevenelastest, 51,5 % soomlastest [8, lk. 317]. Ligikaudsete arvestuste kohaselt elab kolmveerand vene rahvusest linlastest ja ligi kolm viiendiku maaelanikest üherahvuselistes perekondades; üherahvuselistes ukraina, valgevene ja soome peredes aga vaid ühe kolmandiku piires kogu rahvusrühmast.

Rahvuse kultuuriliseärasuste kandjaks rahvusvahelistes suhetes ei saa olla individid, vaid ikkagi suured inimeste rühmad. Vastastikune rahvuslik mõjutamine eeldab rahvusrühmade teatud stabiilsust, mis võimaldab kas või muundunud kujul rahvusliku kultuurikeskkonna taastootmist. Rahvusrühmad eristuvad muust ümbrusest etniliste ja kultuuriliste joontega, millele võib lisanduda ka erinev sotsiaalne seisund ja struktuur. Teistel juhtudel on tegemist eri rahvustest individidega, kes erinevad lähemast ümbrusest ainult etniliste karakteristikute poolest ega oma mainimisväärsed omavahelisi sotsiaalseid sidemeid. Eesti elanikkonna paljurahvuselises struktuuris on rahvusrühma jooned kõige enam omased venelastele, kusjuures temaga konsolideerub intensiivselt enamik migreerinud rühmi. Nimetatud tendents on juba kajastunud mõnedes empiirilistes uurimustes, kus rahvussuhete subjekti-

dena vaadeldakse vaid kaht rühma, eestlasi ja mitte-eestlasi [12, lk. 36].

Rahvusrühmade sisemiste seoste iseloom, etniliste ja sotsiaalmajanduslike faktorite vahekord põhirahvusest eristumise põhjustes määrab suures ulatuses ära ka rühmadevaheliste suhete sisu ja struktuuri. Pole kahtlust selles, et sotsiaalne struktuur on kõikide etniliste koosluste olulisim sotsiaalse arengu näitaja. Rahvuste ja rahvusrühmade sotsiaalse struktuuri sarnasus või erinevus tingib nendevaheliste suhete objektiivse iseloomu ühiskonnaelu erinevates sfäärides. Vabariikide rahvuste ja rahvusrühmade sotsiaalse seisundi uurimise tulemusel on jõutud järeldusele, et tänapäeval on paljurahvuselistes regioonides ja kollektiivides välja kujunenud ühetüübiline sotsiaalne struktuur, mida iseloomustavad tugevad sotsiaalse integratsiooni tendentsid [5; 12; 16; 17]. Rahvuste ja rahvusrühmade sotsiaalne ühetüübilisus ei tähenda aga sotsiaalse struktuuri identsust ega sotsiaalsete erinevuste puudumist. Ühiskonna kui terviku sotsiaalne diferentseerumine avaldub eri rahvuste juures teatud lahknevustega.

Meie ühiskonna sotsiaalsete muutuste kõige olulisemaks mõjuriks tänapäeval on linnastumine, sest selle toimet saavad teoks märgatavad nihked rahvusliku elu traditsioonilistes valdkondades, muutub rahvusesiseste seoste iseloom. Peale selle seondub urbaniseerumise ning linna ja maa sotsiaalse vastandlikkuse ületamisega ka rahvusliku vastandlikkuse ületamine, sest paljude meie maa rahvaste jaoks ühendas kapitalistlik linn sotsiaalse ja rahvusliku rõhumise. Sotsialismi tingimustes on linnastumine puudutanud kõiki meie maa rahvaid, kuigi on veel säilinud olulised erinevused eri rahvuste urbaniseerumise astmes (1970. a. oli linlasi Vene NFSV-s elavate venelaste seas 65,6 %; madalaim oli kirgiiside-linlaste osakaal - 14,5 % [8, lk. 12, 14, 49, 286]. Eri rahvuste linnastumise ebaühtlus kajastub linnaelanike rahvuslikus koosseisus. 1970. a. oli vaid kahe liiduvabariigi - Armeenia ja Vene NFSV linnades põhirahvusest elanikkond absoluutses ülekaalus, kusjuures nende linnastumisaste oli tunduvalt kõrgem kui muust rahvusest elanikkonna oma. Teistes liiduvabariikides varieerub põhirahvuse osa linnarahvastikus üsna suuresti, moodustades Valgevenes ja Leedus 70 %, Ukrainas,

Aserbaidžaanis, Gruusias ja Brestis - ligikaudu 60 %, Lätis - ligikaudu 50 %, Turkmeenias, Usbekistanis, Tadžikistanis ja Moldaavias - 35 - 40 %, Kasahstanis ja Kirgiisias - vähem kui 20 %. Kesk-Aasia vabariikide, Kasahstani ja Moldaavia linnade sotsiaalses struktuuris on ka rahvusliku tööliklassi osakaal tunduvalt madalam kui enamurbaniseerunud vabariikides.

Arvestades vabariikide rahvuslik-sotsiaalset struktuuri, võib eristada kaht tüüpi rahvuslikke sisesuhteid. Vabariikides, kus põhirahvused on veel ülekaalukalt agraarse struktuuriga, seondub rahvuse sisemine konsolideerumine (sotsiaalne ja etniline) põhiliselt küla sotsiaalse arenguga. Neis vabariikides moodustuvad suhteliselt iseseisvad sotsiaal-etnilised üksused: maal - põhirahvusest, linnas - immigrerinud rahvusrühmad, enamuses venelased. Segarahvastikuliste linnade suhtlemiskeeleks on enamikul juhtudel vene keel. Nendes oludes langevad linna ja maa sotsiaalsed suhted, mis suures osas kattuvad ka tööliklassi ja sotsialistliku talurahva vaheliste klassisuhetega, ühte rahvussuhetega. Sel põhjusel on alust neid suhteid määratleda kui sotsiaal-etnilisi, kuigi nende struktuur pole nii mitmepalgeline kui vabariikidevaheliste rahvussuhete oma.

Mõnevõrra erinevaks on kujunenud vabariikide rahvuslikud sisesuhted seal, kus põhirahvuse struktuuri iseloomustab kõrge urbaniseerumise ja industriaalsuse aste. Nendes tingimustes tugineb vabariigi sotsiaalmajanduslik ja sotsiaalpoliitiline struktuur põhirahvuse mitmekülgsel sotsiaalsele diferentseerumisele ja rahvusrühmad ei täida iseseisvaid sotsiaalseid funktsioone sotsiaalmajanduslike suhete süsteemis. Neil juhtudel on vabariigi rahvuslikes sisesuhetes esiplaanil etnilised ja kultuurilised tegurid sotsiaal-majanduslikega võrreldes.

Mõistagi on need nn. puhtad variandid, mis ilmutavad end vaid tendentsina reaalsete rahvussuhete ja protsesside keerukas ja mitmekesises süsteemis. Kõigepealt ei tähenda ju mõnede rahvuste ülekaalukalt agraarne struktuur tööliklassi, sealhulgas ka tööstustöölise täielikku puudumist. Antud vabariikide sotsiaalse struktuuri omapäraks on vaid see, et rahvuslik töölikasade moodustab vähemuse vabariigi töölikklassis, millest johtuvad rahvusliku konsolideerumise

ja rahvuslik-sotsiaalse struktuuri erijooned. Ja ka teises vabariikide rühmas pole nähtavasti alust kõiki rahvuslikke sisesuhteid a priori ainult kitsalt etnilistena hinnata, nagu neid mõnede autorite töödes [6, lk. 135] käsitletakse. Rahvusrühmadevaheliste suhete sotsiaalse aspekti täielik minetamine on võimalik kõigi ühiskondliku tööjaotuse alusel kujunenud inimkollektiivide sotsiaalse võrdsuse tingimustes. Peale selle tuleb võtta arvesse, et ka industriaalselt enam arenenud vabariikide paljurahvuseline koosseis (eriti Baltikumis) pole veel stabiliseerunud ja rahvusrühmade kooselu pole kuigi pikaajaline, mistõttu nende rühmade kohanemine uute sotsiaalsete ja etniliste tingimustega on alles jätkuv protsess. Paljurahvuselistel vabariikidel rahvussuhted sisaldavad kõigil juhtudel nii sotsiaalseid kui etnilisi suhteid, ainult ühel juhul on juhtivad sotsiaalsed, teisel juhul kultuurilis-etnilise iseloomuga suhted põhirahvuse ja vähemusrühmade vahel.

Eesti NSV kuulub rahvuslik-sotsiaalse struktuuri pooldest nende vabariikide hulka, kus sotsiaalmajandusliku organisatsiooni aluseks on põhirahvuse mitmekülgne diferentseerumine ja kus jätkub rahvusliku heterogeensuse kasv. Kuigi vabariigi elanikkonna mehaaniline juurdekasv on mõnevõrra väiksem kui 1950. aastail, oli selle allika osatähtsus rahvastiku kasvus siiski märkimisväärselt suur ka 1959. ja 1970. a. rahvaloenduste vahelisel perioodil. Elanike juurdekasvust (159 300 inimest) moodustasid immigrandid 58 % (92 100 inimest). Aastakümne jooksul kasvas teiste nõukogude rahvuste esindajate osakaal Eesti NSV-s 6,4 % võrra, moodustades nüüd ligi 32 % [8, lk. 15]. Sotsiaalse struktuuri muutustest on kõige kaalukam jätkuv linnastumine, mille tulemusel linlaste osakaal tõusis 1970. a. 65 protsendini. Linnastumine on võrdväärselt puudutanud kõiki meil elavaid rahvusrühmi, mistõttu on tunduvalt lähenenud nende sotsiaalne staatus. Linlaste ja maaelanike osakaalu muutusi rahvusrühmade sotsiaalses struktuuris kahe rahvaloenduse vahelisel perioodil kajastavad järgmised andmed:

Eesti NSV rahvuste linnastumise dünaamika aastatel
1959-1970^x

Rahvus	Linlased %			Absoluutne juurdekasv %
	1959.a.	1970.a.	± %	
Eestlased	46,86	54,73	+ 7,87	17,8
Venelased	86,49	89,28	+ 2,79	29,9
Ukrainlased	86,87	87,47	+ 0,6	44,2
Valgevenelased	89,96	90,87	+ 0,91	44,1
Soomlased	51,39	59,78	+ 8,39	22,6
Juudid	97,49	97,65	+ 0,16	-2,6
Lätlased	72,95	77,26	+ 4,31	17,0
Teised	81,56	69,76	-11,8	33,5

x

Tabel on koostatud "Rahva Hääles" 18. mail 1971. a. avaldatud andmete ja kogumiku "Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года" (т. IV, с. 318, 319) põhjal.

Siiani on vabariigi põhirahvuse (ja temaga keeleliselt enam ühtesulanud soomlaste) urbaniseerumise aste madalam eksterriitoriaalsete rahvusrühmade omast, jäädes maha ka vabariigi keskmisest. See erinevus pole küll kvalitatiivne, sest võrrelduna üleliidulise urbaniseerumisastmega (56 %) kuuluvad eestlased enimlinnastunud rahvuste rühma. Linnaelanike osakaal väikesearyulistes rahvusrühmades on kahanenud ligi 12 % võrra, kuigi kolmandiku võrra kasvas nende absoluutarv. Kui 1959. a. oli eesti küla 91 % ulatuses eesti elanikkonnaga, siis 1970. a. moodustasid eestlased kõigist maaelanikest 88%.

Et linnarahvastiku kasvutempo on kõrge, seda nii elanikkonna vabariigisisese kui ka vabariikidevahelise liikumise tõttu, on põhirahvuse suhteline osa linlaste seas aastatel 1959 - 1970 mõnevõrra langenud - 62 protsendilt 57,5 protsendile; Tallinna elanikest oli 1970. a. eestlasi 64 % [8, lk. 318-320].

Linnarahvastiku kasvu sotsiaalseid allikaid jälgides võib tähele panna seaduspärasest nähtust, et väikelinnade kasvus on juhtival kohal maaelanikkond, suurlinnade mehaanilises kasvus aga etendavad üha suuremat osa tulnukad väiksematest

ja keskmistest linnadest. Näiteks 1968.-1969. a. asus Tallinna elama 18 580 inimest, neist Eesti NSV-st 9688. Sealjuures tuli Tallinna endisi linlasi 62,9%. Eesti NSV-st pealinna asunute seas oli linliku päritoluga 53,7%, teistest vabariikidest tulnute seas - 72,3% [10, lk. 159].

Rahvussuhete seisukohalt on linlaste kontingendi täiendamise sotsiaalsete allikate väljaselgitamine äärmiselt tähtis, võimaldades saada ettekujutuse sellest, kas elamaasumine teise rahvuslikku keskkonda seondub ka inimeste sotsiaalse positsiooni ja olukorra muutumisega. Üldjoontes mõjutab migratsioon sotsiaalselt staatust parandavalt. Sellele viitab näiteks asjaolu, et kõigis eksterriitoriaalsetes rühmades üle Liidu on kõrg- ja keskeriharidusega spetsialistide osakaal (1000 töötaja kohta) kõrgem ja algharidusega ning keskharidust mitte omavate inimeste osa madalam kui rahvusvabariikides. Linna ja maa sotsiaalsed erinevused mõjutavad immigrandide sotsiaalset seisundit uutes asustuskohtades; tulnukad linnadest täiendavad teenistujate ja kvalifitseeritud tööliste ridu, maalt tulnud annavad märgatava osa ka kvalifitseerimata ja abitööliste täienduseks. On mõistetav, et linnadevahelise migratsiooni motiivides peavad olulised olema lootused paremale tööle ja olmetingimustele. Kui sellega kaasneb ka lähema rahvusliku keskkonna muutumine, peaks sotsiaalsete tingimuste paranemine kergendama kohanemist uute oludega. Antud teesi kasuks kõneleb seegi, et linlik elulaad ja kultuur ise on suures ulatuses unifikseeriva iseloomuga, kus rahvuslik eripära ei avalda nii suurt mõju kui maaoludes. Inimesed, kel on linliku elu kogemused, peaksid kiiremini kohanema uute tingimustega ja hoiak võõra rahvusliku keskkonna suhtes peaks olema soodne. Kuid teiselt poolt tõstab linn oma võrratult rikkamate valikuvõimalustega ka nõudmisi nii töö, vaba aja sisustamise kui ka olmetingimuste suhtes. Seepärast on seaduspärane, et ootused, millega linlased seostavad elukoha muutmist, on tunduvalt suuremad kui maainimeste omad. Need suuremad ootused aga võivad mitte realiseeruda, mistõttu rahulolu aste uute ("mitterahvuslike") tingimustega võib selles grupis olla ka madalam kui maalt tulnutel.

Mis puutub immigranditesse külast, siis nende linnaasumine parandab praktiliselt kõigil juhtudel sotsiaalset staatust. Seetõttu on ootuspärane, et sotsiaalsete tingimus-

te paranemine soodustab ka selle grupi kohanemist uue rahvusliku keskkonnaga. Kuid ületulek maalt linna toob kaasa ka ühe põhimõttelise muutuse inimsuhete sfääris: külaelule iseloomulikud isikulised suhted asenduvad linnas rohkete anonüümsete suhetega. See nõrgendab tunduvalt lähema inimkollektiivi reguleerivat mõju isiksusele, muudab vahetute sotsiaalsete kontaktide ulatust ja iseloomu.

Kõigi Eesti NSV rahvusrühmade sotsiaalne struktuur on vääja kujunenud vabariigi kiire ja mitmekülgse tööstusliku arengu mõjul. Juba 1960. aastate alguseks moodustasid töölistel enam kui 55 % töötavast elanikkonnast, sealjuures üle 50 % eestlastest, üle 60 % ukrainlastest, ligi 70 % venelastest ja umbes neli viiendikku valgevenelastest ja teiste väiksemate rahvusgruppide liikmeist. 1970. aastaks süvenesid vabariigi sotsiaalses struktuuris veelgi tööstuslikust arengust tingitud nihked. Töölised moodustasid 60,8 %, teenistujad ja intelligents 30,2 % ning kolhoosnikud 8,8 % töötavast elanikkonnast [9, lk. 32-33].

Sotsialistlike rahvuste sotsiaalses ja poliitilises konsolideerumises etendab juhtivat osa tööliklass, sest tema arvukusest ja kohast ühiskondliku tootmise süsteemis sõltub kogu rahvuse sotsiaalne pale. Vabariigi tööliklassi rahvusliku struktuuri erijooneks on see, et kõigi rahvusgruppide töölikond on esindatud praktiliselt kõigis tähtsamates majandusharudes ja "katab" kõiki sotsiaalse ja professionaalse tööjaotuse tasapindu enam-vähem ühetaoliselt. Tõsi, eesti rahvusest tööliste suhteline osa tööstuses on mõnevõrra madalam rahvusrühmade tööstustööliste omast, seevastu umbes kolm korda kõrgem on sovhoositööliste osakaal. See aga ei muuda kvalitatiivselt eesti rahvusest tööliste sotsiaalset paiknemist ühiskondlikus tööjaotuses. Valdav enamus nendest on rakendatud tööstuses, ehituses ja transpordis, s.t. valdkondades, mille sotsiaalne organisatsioon tagab tööliklassi juhtiva seisundi arenenud sotsialistlikus ühiskonnas. Rahvuslikul tööliklassil on täita ka tähtis sotsiaalpoliitiline roll sotsialistlikes rahvussuhetes, internatsionalistlike suhete kindlustamises rahvuste vahel. "Just tööliklass, oma olemuselt kõige internatsionalistlikum klass, etendab meie maa kõigi rahvuste ja rahvusrühmade üksteisele läheneamise protsessis otsustavat osa" [4, lk. 19]. Rahvuslik töö-

lisklass ei täida oma sotsiaalpoliitilist funktsiooni rahvuslikult isoleeritult, vaid nõukogude rahva ühtse tööliklassi osana, mistõttu rahvuste sotsiaalse konsolideerumise allikad ei taandu ainult rahvuslikele tingimustele, vaid on sügavalt internatsionaalsed.

Eesti NSV tööliklassi arvukas rühm elab ja töötab maakohtades, on seotud põllumajandusliku ja viimasel ajal üha enam ka tööstusliku tööga. 1970. a. loenduse andmeil oli Eesti NSV küla sotsiaalses struktuuris töölisi 54,4 % ja teenistujaid 17,2 % [9, lk. 32-33]. Vabariigisisestest rahvussuhetes on see asjaolu eriti tähtis. Tööliklassi suure rühma paiknemine maal on linna- ja maaelanike sotsiaalse konsolideerumise oluliseks sotsiaal-klassiliseks aluseks. Sees sellega, et maaelanikkond koosneb põhiliselt eestlastest ja eesti-vene kakskeelsus pole siin kuigivõrd ulatuslik, etendab maa töölikond märgatavat rolli rahvuse sotsiaalpoliitilises konsolideerumises. Ta on sotsiaalseks ühenduslikuks linnade internatsionaalse töölikonna ja eestlastest kolhoositalurahva vahel. Sellest tulenevalt ei kinnitu linna ja maa sotsiaalsed suhted rahvussuhete tasandil, ja vaatamata sellele, et peaaegu pooled linnade elanikest on mitte-eestlased, ei lange rahvussuhted kokku ka klassisuhete tasandiga. Vabariigi rahvussuhete objektiivne struktuur kujuneb peamiselt linnaelu sotsiaalsetest valdkondadest.

Sama järeldust aitab kinnitada ka vaimse töö tegijate rahvuslik-sotsiaalne struktuur. Kuna vaimse töö poolusele on koondunud enamik töö juhtivaid, loomingulisi, otsingulisi ja teisi sotsiaalselt sisukamaid funktsioone, näitab haritlaskonna (ja teenistujate) rühma olemasolu rahvusrühmades nende integratsiooni astet vabariigi põhirahvuse sotsiaalmajanduslikus ja kultuurilises organisatsioonis. 1970. a. rahvaloenduse andmeil oli intelligentsi osakaal (kõrgema ja keskharidusega spetsialistid) kõigis vabariigi suuremates rahvusrühmades praktiliselt võrdne. Töötavast elanikkonnast oli eestlaste seas eriharidusega spetsialistite 20,2 % (linnades 24,7 %), venelaste seas - 20,8 % (21,9%), ukrainlaste seas - 24,8 % (25,6 %), väikesearvulistest rühmadest - valgevenelaste seas - 15,3 % (15,6 %) ja soomlaste seas - 10,6 % (12,9 %) [8, lk. 644-645]. Spetsialistide ja teenistujate harukondlik struktuur on üldjoontes sarna-

ne tööliste ja kolhoosnike harukondliku paiknemisega vabariigi rahvamajanduses. Kõigist rahvustest spetsialistid osalevad võrdväärselt materiaalses tootmises. Mis puutub mitte-tootlikku sfääri (side, teenindus, rahvaharidus, teadus, kunst ja ühiskondlike ning parteiorganisatsioonide juhtiv aparaat), siis siin on eestlastest spetsialistide ja teenistujate hõive märksa kõrgem kui teistel rahvustel. Eestlastest haritlaste suurem rakendus teaduses, kunstis ja vaimse kultuuri teistes valdkondades seletub sellega, et rahvusvabariigi tingimustes saavad igakülgset arenedada kõik rahvuskultuuri alad, mis on omased rahvusele kui terviklikule ühiskondlikule organismile.

Sotsialistliku rahvuse konsolideerumine hõlmab ka tema riiklikku ja parteipoliitilist konsolideerumist. Selles valdkonnas kuulub esmane roll rahvuslikule riiklusele, mis muuhulgas nõuab kvalifitseeritud ja võimekat rahvuslikku poliitilist kaadrit. On ilmne, et rahvuslike erinevuste korral etendab see kaader suurt osa kogu rahvuse arengus, tema sotsiaalse ja poliitilise palge kujundamises. Rahvuste võrdsuse põhimõtte elluviimine ei tähenda aga automaatselt ühe, ka vabariigi põhirahvuse eelistamist ühiskondlik-poliitilises sfääris. Osavõtt vabariigi poliitilisest elust on tagatud kõigile tema rahvusrühmadele.

Esti NSV sotsiaalse struktuuri empiiriline uurimine näitab, et eri rahvustest töötajate sotsiaalne seisund on väga lähedane. Kvalifikatsiooni muutused, sotsiaalne mobiilsus ja ühiskondlike rühmade sotsiaalne taastootmine langeb üldjoontes ühte. Sellega seoses on oluline rõhutada, et paljurahvuselises sotsialistlikus ühiskonnas on rahvuste ja rahvusrühmade sotsiaalse võrdsuse aluseks nende osavõtt ühiskondliku elu kõige otsustavamast sfäärist, materiaalsest tootmisest. See on peamine, mis garanteerib ka väikeste eksterriitoriaalsete rahvusrühmade osavõtu teistest ühiskondliku elu aladest, sealhulgas ka poliitilisest juhtivast tegevusest ja vaimse kultuuri arendamisest. Demokraatlike ja võrdõiguslike rahvussuhete tulemusel on miinimumini viidud tingimused, mille tõttu rahvuslikud rühmitused võiksid muutuda kinnisteks sotsiaalseteks kihististeks, nagu see oli (ja on ka praegu) kapitalistlikes ühiskondades. Meie oludes on kõrge sotsiaalse mobiilsuse aste omane praktiliselt kõigile rahvusrühmade-

le. Rahvusrühmade sotsiaalne ühtsus ja võrdväärne osalemine kõigis ühiskonnaelu sfäärides loob ka eri rahvustest töötajate sotsiaalsete huvide ühtsuse.

Mitmerahvuseliste vabariikide, regioonide ja töökollektiivide rahvussuhted arenevad partei ja nõukogude riigi internatsionalistliku rahvuspoliitika mõju all. Neis suhetes kajastuvad üleriigiliselt reguleeritavate rahvussuhete iseloom ja printsiibid. Kuid neil suhetel on teatud erijooned, mis ilmnevad nii suhete subjektides, struktuuris kui ka objektis. Kogu ühiskonna ulatuses on rahvussuhete subjektideks rahvused ja rahvas kui terviklikud ühiskondlikud organismid, kelle sisemine terviklikkus tugineb sotsiaalmajanduslikule, sotsiaal-klassilisele, poliitilisele ja etnilisele seotusele. Vabariigisiseste rahvussuhete subjektideks on ühelt poolt põhirahvus, teiselt poolt rahvusrühmad, kel puudub autonoomne sotsiaalmajanduslik organisatsioon. Kui rahvustevaheliste suhete struktuuris on esindatud kogu ühiskondlike suhete süsteem, siis mitmerahvuselise keskkonna suhete struktuur sisaldab vaid nende suhete elemente, milles ilmnevad erinevused põhirahvusest. Kogu ühiskonna rahvussuhete objektis on esmatähtis nende suhete sotsiaalmajanduslik külg; mitmerahvuseliste kollektiivide rahvussuhetes varieerub sotsiaalmajanduslike ja etniliste faktorite vahetõttu rahvusrühmade sotsiaalsest staatusest; tema identseuse korral põhirahvuse sotsiaalse struktuuriga on vabariigisisised suhted ülekaalukalt kultuurilis-etnilised.

K i r j a n d u s

1. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 3.
2. М а р к с К., Э н г е л ь с Ф. Соч., т. 35.
3. Л е н и н, В. И. Teosed, 29. kd.
4. В р е ж н е в, L. I. Viiskümmend aastat Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liitu. Tallinn, 1973.
5. А р у т ю н я н Ю.В. Опыт социально-этнического исследования. - "Советская этнография", 1968, № 4; Социальное и национальное. Ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1973.

6. Д а ш д а м и р о в А.Ф. Национальные отношения как специфическая сфера социалистических общественных отношений. - "Вопросы философии", 1973, № 4.

7. Д ж а н д и л ь д и н Н. Природа национальной психологии. Алма-Ата, 1974.

8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV. М., 1973.

9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. V. М., 1974.

10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. VII. М., 1974.

11. К а л т а х ч я н С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976.

12. К а х к Ю. Черты сходства. Таллин, 1974.

13. К о з л о в В.И. Динамика численности народов. М., 1969.

14. К у л и ч е н к о М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972.

15. Современные этнические процессы в СССР. М., 1975.

16. Х о л м о г о р о в А.И. Интернациональные черты советских наций. М., 1970.

17. Ш к а р а т а н О.И. Этно-социальная структура городского населения Татарской АССР. - "Советская этнография", 1970, № 3.

K. Hallik

On the Nature of Social Relations
in Multinational Environment

Summary

Socialist nations play the role of subjects of socialist social relations as entire socio-ethnic communities. The nature and volume of relations between native people and national minorities depend on the character of the internal social relations of national groups and their ethno-cultural relations with their own nation.

А. Литвинова

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ АКТИВНОСТИ ДЕПУТАТОВ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ

Шестидесятилетняя история Советского государства подтверждает закономерный характер связи социализма с демократией, которая выступает как "жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений." [4, с. 82]. В решениях XXV съезда КПСС вновь подчеркивается эта взаимосвязь, реализация социально-экономической программы обусловливается развитием всей политической системы общества, расширением и углублением социалистической демократии.

Развитие демократических принципов формирования и деятельности органов государственной власти зафиксировано в новой Конституции СССР. Представительное сотрудничество рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции в органах государственной власти — Советах народных депутатов рассматривается как одна из ведущих форм участия в управлении делами общества всего советского народа. Социалистическая представительная демократия отличается тем, что "... впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимается до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении." [1, с. 116]. Согласно Конституции СССР [5, ст. 103], деятельность народных депутатов имеет государственно-управленческий характер, а ее правовые основы закреплены в принятом ранее "Законе о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся СССР," в котором народные депутаты "... уполномочены народом участвовать в осуществлении Советами государственной власти, выражать его волю и интереса". [6, с. 1].

В целом повышение роли Советов народных депутатов как полновластных органов, составляющих политическую основу социалистического общенародного государства, является

важнейшим направлением развития социалистической демократии. Одним из условий этого развития выступает повышение активности депутатов, увеличение их вклада в управление государством и усиление связи с массами. Сам процесс повышения активности депутатов разворачивается в русле общего совершенствования и укрепления политической системы развитого социалистического общества и выражает одну из тенденций движения к коммунистическому общественному самоуправлению. Вместе с тем, названный процесс представляет своеобразный срез противоречивого движения всего общественного организма к социальной однородности на основе преодоления существенных социальных различий, наличие которых обуславливает как политическую организацию общества в общенародное государство, так и социально-классовый характер социалистической демократии. В политической жизни существенные социальные различия отражаются как в различной степени сознательности, активности и организованности представителей дружественных классов и социальных групп, так и в связанном с ней уровнем фактического участия в осуществлении политической власти. Без сомнения, социально-классовые различия обуславливают и различия по месту и роли в политической жизни. Так, именно рабочий класс, являясь наиболее полным выразителем общенародных интересов, осуществляет руководящую роль во всей политической сфере общества.

Проявлениями противоречивости в самом процессе повышения активности депутатов выступают не только отдельные негативные моменты депутатской практики, связанные с субъективными факторами (например, элементы формального отношения к выполнению депутатских полномочий, или факты недостаточной настойчивости и опытности в формулировке потребностей населения и в удовлетворении его интересов, оцениваемых с общегосударственных позиций), но и уровень организационно-практического освоения имеющихся возможностей вовлечения депутатов во все стадии управленческого цикла. Ведь депутаты призваны участвовать "...не только в обсуждении общих правил, постановлений и законов, не только в контроле за их выполнением, но и непосредственно в их выполнении..." [2, с.156].

Разумеется, на каждом этапе развития социалистического общества существует определенная мера реальности возможностей демократизации форм осуществления государственно-управленческих функций. В развитом социалистическом обществе расширяется база функционального сближения представительных и исполнительных форм осуществления государственной власти и повышения ведущей роли представительных учреждений. Это нельзя понимать как простую передачу функций оперативно-распорядительного характера "на общественные начала", а следует рассматривать как последовательное привлечение депутатов через коллегиальные формы их деятельности к участию в ключевых стадиях управления — от подготовки до выполнения решений.

Как всякий социальный процесс, повышение активности депутатов регулируется на разных уровнях политического руководства обществом, прежде всего со стороны КПСС, опирающейся на развиваемые теорией научного коммунизма теоретические основы управления социальными процессами в развитом социалистическом обществе. Целям такого руководства служат и результаты социологических исследований, проводимых в рамках отдельных общественных наук — исторического материализма, научного коммунизма, теории государства и права. Комплексного изучения проблем представительной демократии, правда, пока не имеется. Предметом исследования в предпринятой автором работе о повышении активности депутатов местных Советов явилось рассмотрение соотношения между расширением возможностей и фактическим участием депутатов в осуществлении государственно-властных полномочий. При этом методологический подход основывался на интерпретации ленинского учения о советской форме демократии и путях ее дальнейшего развития. В сжатой форме эта концепция была сформулирована В.И. Лениным в 1919 году в проекте программы партии, где говорилось о совершенствовании представительной демократии следующее:

"Работа в этом направлении, неразрывно связанная с осуществлением главной исторической задачи Советской власти, именно перехода к полному уничтожению государства, должна состоять, во-первых, в том, чтобы каждый член Совета обязательно выполнял известную работу по управлению госу-

дарством, во-вторых, в том, чтобы эти работы последовательно менялись, охватывая весь круг дел, связанных с государственным управлением, все его отрасли, и, в-третьих, в том, чтобы рядом постепенных, но неуклонно проводимых мер все трудящееся население поголовно привлекалось к самостоятельному участию в управлении государством" [3, с. 93-94].

Выделение в качестве предмета исследования одной из существенных сторон представительной демократии, характеризующей степень участия депутатов в повседневной работе по управлению, подводит к конкретизации понятия депутатской активности. Вычленение специфического содержания активности депутатов не должно отрываться от объяснения этого понятия как производного от общесоциологической категории социальной активности, в которой отражено движущее начало реализации объективных законов развития общества. Источником социальной активности субъекта (будь то личность, группа, коллектив, социальная общность любого вида) признаются потребности и интересы, порождаемые общественными отношениями и определяющие направленность и характер социальной практики.

Поскольку ведущее место в классовом обществе отведено [7, с. 158] политической практике (как форме социальной практики в отличие от практики производственной), постольку мы можем сказать, что социально-политическая активность как мера практически-политической деятельности составляет важнейший компонент социальной активности (наряду с трудовой активностью). В социалистическом обществе практически-политическая деятельность, направленная на осуществление политической власти, реализуется как в государственно-политической, так и в общественно-политической формах [8, с. 119]. В отношении деятельности депутатов Советов можно говорить именно о синтезе названных форм.

Действительно, депутатская деятельность одновременно выступает и одной из структурных форм государственно-управленческой практики и формой общественно-политической деятельности. В первом случае, как способ осуществления представительной демократии, депутатская деятельность характеризуется в социалистическом обществе такими качественными особенностями, как соединение функций законодательства и исполнения законов и обязательности отчета перед обществом.

Во втором случае, как проявление непосредственной демократии, депутатская деятельность осуществляется непрофессионально, добровольно, коллегиально и безвозмездно. Таким образом, в депутатской практике достигается то характерное соединение государственных и общественных начал, которое присуще в целом механизму социалистической демократии, отличающейся известным совпадением, в определенных пределах, субъекта и объекта управления. Таким образом, кроме того, в деятельности депутатов реализуется тенденция, направляющая развитие управляющей системы социализма по пути становления коммунистического общественного самоуправления.

Содержательный анализ деятельности депутатов должен дополняться рассмотрением ее функциональной структуры, без чего неосуществимо операционализирование понятия активности и невозможен научно обоснованный выбор критериев, предъявляемых к ее показателям. Другими словами, необходима взаимосвязь генетически-каузального и структурно-функционального объяснения [16, с. 116].

Операциональное определение активности депутатов достигается через характеристику субъекта деятельности, объективную роль и функции самой деятельности и ее результат. Иными словами учитывается и качество и мера деятельности, благодаря чему возможно учесть не только ее социальную значимость и результативность, но и представление о мере фактического участия депутатов в реализации власти. То, что специально не предусматривается возможность выяснения субъективного отношения депутатов к своей деятельности (как целостной субъективной предрасположенности), вызывается отсутствием условий выхода в сопредельную сферу социально-психологического исследования. Хотя в целом изучение субъективной детерминации активности не входило в замысел исследования, тем не менее отдельные данные об удовлетворенности деятельностью использовались в ходе анализа конкретных обстоятельств депутатской практики.

Подобное ограничение сузило рамки анализа рассмотрением в основном объективных показателей активности депутатов, а их выбор был проведен на основе расчленения организационной и функциональной структур депутатской деятельности.

Организационная структура представлена следующими формами: сессии, постоянные комиссии, депутатские группы, отчеты перед избирателями и т.п. В качестве элементов функциональной структуры выступают сами функции: принятие решений, организация их выполнения, контроль исполнения и функция прямой и обратной связи с массами.

Поскольку эмпирические показатели должны выражать не только, внутреннюю, функциональную взаимосвязь в объекте, но и внешнюю, организационную, постольку рассмотрение соотношения названных структур позволяет осуществить синтез теоретического и эмпирического уровней исследования в центральной гипотезе. Основанием для ее выдвижения служит высказывание об определяющем характере организационной, материализованной структуры деятельности, оказывающей в процессе развития объекта определенное влияние на изменение функциональной структуры [13, с. 181]. Предполагается, что совершенствование организационной структуры деятельности депутатов в смысле обогащения организационных форм и достижения их системной взаимосвязанности, должно способствовать развитию функционального содержания этой деятельности. Сам процесс повышения активности депутатов предстает в таком случае как один из способов приведения организации деятельности в более четкое соответствие с имманентным ей функциональным содержанием.

Методическая основа исследования проблем депутатской активности создавалась на опыте социологического изучения различных социальных процессов в развитом социалистическом обществе, причем близлежащим оказался опыт представителей юридической науки [10, 11].

Использовались различные методы сбора информации, измерения и анализа социальных факторов (в том числе контролируемое полевое наблюдение, изучение бюджетов времени, анкетный опрос). Первичная обработка осуществлена в ВЦ Тартуского государственного университета.

Значительная часть информации была получена из анализа статистических источников, в том числе из постоянного издания "Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся" [9].

Методом анализа данных статистики выборов, успешно применявшимся, как известно, в работах В.И. Ленина, [14] обосновывалась теоретическая модель состава депутатов местных Советов, содержащая устойчивые тенденции его совершенствования, такие, как:

- расширение представительности депутатского состава путем приведения его в соответствие социальной структуре общества, вслед за меняющимся соотношением в ней классов, социальных групп и других общностей;

- достижение структурного соответствия депутатского состава объективным закономерностям развития политической системы социалистического общества, возрастанию ведущей роли рабочего класса и руководящей роли Коммунистической партии, укреплению союза рабочего класса и колхозного крестьянства, интернационального единства советского народа:

- повышение образовательного, общекультурного и практически-политического уровня депутатского состава, создание субъективной основы развития активности депутатов, формирование субъективных предпосылок совершенствования депутатской деятельности.

Названные направления изменения состава депутатов местных Советов, характеризующие процесс совершенствования представительной демократии на этапе развитого социализма, показывают предпосылки перехода количественных изменений в депутатском составе в качественные, характеризующиеся не столько масштабами, сколько соответствием потребностям развития всего механизма государственного управления, повышением роли народных избранников в осуществлении государственной власти. Таким образом движение состава депутатов местных Советов выступает в качестве одного из необходимых условий совершенствования депутатской деятельности.

Основные данные, позволяющие судить о реальном процессе такого совершенствования, были получены при анализе результатов анкетного опроса и путем обследования бюджета депутатского времени. Эти данные показывают, что время депутатской деятельности неоднородно по составу не только в смысле содержания в нем свободного и рабочего времени, но и по использованию его на выполнение различных депутатских полномочий, то есть функционально.

В целом своеобразии структуры депутатского времени обусловлено исторически-конкретными пределами фонда свободного времени при социализме и вытекающими из специфики конкретно-исторического соотношения между представительными и исполнительными органами возможностями вовлечения депутатов в различные стадии управления. В конце 60-х — начале 70-х годов среднемесячные затраты времени на выполнение депутатских обязанностей составляли не более 10-ти часов, например, в Эстонской и Армянской ССР — 9,8 часа, в Латвийской ССР — 8,5 часа [15, с.182; 12, с. 113].

Можно предположить, что здесь мы имеем реальную картину фактических затрат времени на депутатскую деятельность и в то же время показатель среднего необходимого времени, допускаемого на данной стадии общественного развития. Имеющаяся вариация в указанных средних пределах обуславливается (берем пример выборки по Латвийской ССР) следующими переменными: опытом общественно-политической и собственно-депутатской деятельности, социальным положением и партийностью депутатов, категорией Совета, полом, уровнем образования и возрастом депутата (перечень в порядке убывания значимости переменной в детерминации затрат времени на депутатскую работу).

Далее устанавливается факт, что примерно половина среднемесячных затрат времени на депутатскую работу состоит из служебного (рабочего) времени, причем больше всех его расходуют на выполнение депутатских обязанностей служащие — средний технический персонал, а меньше всего — рабочие и колхозники (хотя в суммарном выражении на них все же приходится около половины всех среднемесячных затрат времени из раздела рабочего времени на депутатскую деятельность). Последнее обстоятельство связано с тем, что рабочие и колхозники, как известно, составляют около 2/3 контингента депутатов местных Советов.

Анализ затрат депутатского времени в функциональном разрезе (см. таблицу I) ближе всего подводит к выводам о качественном своеобразии активности депутатов, а также позволяет рассмотреть возможности рационализации их деятельности. Проводя сравнительный анализ различных данных по региональным выборкам, уместно выделить возможно общих

Заграта времени на различные разделы депутатской работы
(в % к числу ответов по отдельным категориям Советов) X

Категория местного Совета	Абсолютное число ответов депутатов		Относительное число ответов о наибольших затратах времени на:							
	1)	2)	обсуждение и принятие решений		содействие выполнению решений		проверки, контроль их исполнения		связь с избирателями и пр. деятельность	
По основным республикам	1)	2)	1	2	1	2	1	2	1	2
Районные Советы	207	653	64,3	57,3	10,6	11,7	13,5	18,1	11,6	12,9
Районные Советы в городах	91	356	28,6	57,3	13,2	11,0	48,4	23,1	9,9	8,6
Городские Советы	246	902	53,7	58,4	10,9	13,9	15,1	17,3	20,3	10,4
Поселковые Советы	150	372	56,0	57,1	15,3	12,5	19,3	14,3	9,3	16,2
Сельские Советы	1420	2034	47,5	57,9	17,6	14,4	20,8	18,2	14,0	9,5
В с е г о	2114	4320	49,7	57,8	15,8	13,4	20,5	18,2	14,0	10,6

1) Данные по Латвийской ССР (выборка автора, обследование состава местных Советов 1971 г.)

2) Данные по Эстонской ССР и Армянской ССР (анализ Х.И. Шнейдера, опубликовано в кн.: "Управление, социология, право". М., 1971, с.194).

X - сводная таблица составлена на основе вышеуказанных материалов - А.Л.

тенденций и моментов, присущих рассматриваемому процессу вне зависимости от локальных особенностей (хотя и установление такой зависимости представляет известный интерес). Рассмотрим лишь одно соотношение между затратами времени на выполнение основных управленческих функций и категорий Совета, в который избран депутат.

Судя по этим данным, в особенности о затратах времени на выполнение функций принятия решений, выполнения решений и контроля, наиболее равномерно включаются в повседневную работу депутаты сельских и районных в городах Советов. Средние же показатели в обеих выборках по всем категориям Советов свидетельствуют, что наибольшая часть депутатского времени (в пределах около или даже больше половины) затрачивается на выполнение функций подготовки и принятия решений, на выполнение остальных функций приходится не более 1/5 части оставшегося времени (точнее: 1/5 - на проверки и контроль исполнения, около 1/6 - на содействие исполнению решений и 1/7 - на работу среди избирателей и другие виды депутатской деятельности).

Выявленная ситуация требует не только дополнительных данных для уяснения всех обстоятельств, вызывающих такое распределение депутатского времени, но и осмысления ее с точки зрения потребностей дальнейшего развития представительной демократии и повышения научной организованности управления в условиях развитого социалистического общества. Во всяком случае, в таком направлении должна вестись дальнейшая исследовательская работа. Имеющиеся данные могут лишь свидетельствовать в пользу вывода о наличии возможностей рационализации депутатской практики путем расширения участия депутатов в осуществлении всех функций управления. При этом, на наш взгляд, в качестве одного из подходов к совершенствованию депутатской деятельности возможно рассмотреть перспективу, связанную с усилением контрольной деятельности депутатов местных Советов.

Согласно существующему законодательству о местных Советах депутаты обладают гарантированной полномочиями для реализации контрольной функции во всем ее объеме, то есть не только за исполнением принятых решений, но и за деятельностью штатного аппарата управле-

ния. Организационными формами для реализации этой функции служат постоянные комиссии Советов и институт запроса. Освоение права контроля через эти организационные формы означает реализацию на практике одной из ведущих тенденций развития представительных органов в качестве "работающих корпораций". Есть основания предполагать, что расширение участия депутатов в выполнении функции контроля наряду с усилением их связей с массами является в современных условиях таким направлением рационализации их деятельности, которое подготавливает в будущем переход к более активному участию в организации выполнения решений. Иными словами, возможность такого перехода, связанная со становлением коммунистического общественного самоуправления, подготавливается на этапе развитого социализма, когда основная работа по организации выполнения решений выполняется выборной частью профессионального управленческого аппарата и штатным составом органов государственного управления. По данным, полученным при изучении деятельности депутатов Латвийской ССР, современный депутат местного совета лишь частично включен в эту важнейшую стадию управления: только 18,2% депутатов (т.е. доля выборных руководящих работников местных Советов) непосредственно организует выполнение решений, 25,1% депутатов участвуют в организации выполнения решений через контроль, а 56,7% депутатов лишь информируют избирателей о содержании принятых решений.

Выполнение контрольной функции — наиболее доступное и предпочитаемое самими депутатами средство развития активности депутатов Советов. Не случайно наиболее активно вовлекаются в контрольную деятельность те депутаты, которые имеют меньший опыт предшествующей общественно-политической и депутатской деятельности, молодежь в возрасте 25–29 лет, комсомольцы, рабочие и колхозники, женщины. При этом происходит не только развитие организаторских способностей и накопление навыков государственной деятельности, но и совершенствование в целом всей деятельности депутатов. Выполнение функции контроля, осуществляемое на современном организационном уровне, приближает контрольную деятельность к выполнению всех других важнейших функций управления, поскольку связывается с процессом подготовки решений, регулированием процесса исполнения решений и подводит вплотную к ста-

для непосредственной организации процесса реализации решений.

Эта взаимосвязь функций депутатской деятельности особенно наглядно вырисовывается при рассмотрении сессионной формы депутатской практики. Изучая частоту и содержание выступлений депутатов на сессиях, приходим к выводу, что за фактом выступления депутата, как правило стоит значительная работа, проделанная им в составе органов Совета, среди избирателей, а также в производственном коллективе. В результате за выступлением депутата, которое является формально выполнением функции обсуждения и принятия решений, стоит предварительно реализованная по меньшей мере еще одна функция — либо это связь с массами, либо контроль, либо организация выполнения принятого ранее решения, в результате чего и образуется информация, входящая в содержание выступления.

На частоту и содержание выступлений депутатов на сессиях, как показали результаты анкетного опроса и полевого включенного наблюдения, влияют три группы факторов: 1) наибольшее влияние оказывают организационные условия деятельности и деловые качества депутатов: предшествующий опыт общественно-политической и депутатской деятельности, работа в органах Совета и исполкома и выборная руководящая работа в Совете; 2) умеренное влияние оказывает категория Совета и партийность депутата; 3) наименьшее влияние оказывает социально-демографические качества депутатов: пол, возраст, уровень образования и социальное положение депутата. Это, как нам кажется, характеризует приблизительную иерархию в системе факторов, обуславливающих в целом феномен депутатской активности: судя по ней можно проектировать стратегию научного регулирования данного социального процесса. Вместе с тем, здесь мы имеем подтверждение нашей гипотезы о преобладающем влиянии организационно-политических факторов и личных, деловых качеств депутатов на уровень их депутатской активности. Наконец, анализ позволяет заключить, что данная гипотеза правомерна, так как проведенное корреляционным методом измерение уровня тесноты связи депутатов с избирателями показывает точно такую же закономерность. Причем выявленная связь не является чисто

функциональной, а приближается к причинно-следственной: характеризующие ее показатели выражают основные тенденции развития как общества в целом, так и ее управляющей подсистемы; с одной стороны, мы фиксируем сглаживание существенных различий между классами в сфере фактического участия в осуществлении политической власти, с другой — возрастание роли организационных и личностных факторов в развитии социалистической демократии.

Л и т е р а т у р а

1. В.И. Ленин. ПСС, т. 33.
2. В.И. Ленин. ПСС, т. 36.
3. В.И. Ленин. ПСС, т. 38.
4. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972
5. Конституция (Основной закон) Союза советских социалистических республик. М., 1977.
6. "Закон о статусе депутатов Советов депутатов трудящихся СССР" М., 1976.
7. Г.С. Арефьева. Социальная активность. М., 1974.
8. А.К. Белых. Управление и самоуправление. Л., 1972.
9. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов депутатов трудящихся. (Статистические сборники). М., 1969, 1971, 1973, 1975.
10. И.О. Калитс, А.А. Лауметс, Х.Х. Шнейдер. Изучение деятельности депутатов с помощью конкретно-социологического метода. — "Советское государство и право", 1965, № 9.
11. А.Т. Лейзеров. К вопросу о факторах, влияющих на активность депутатов. — "Проблемы социологии права". Вильнюс, 1970.
12. А.В. Литвинова. Бюджет времени депутата. — XXIV съезд и проблемы научного коммунизма. Рига, 1972.
13. В.И. Свицерский, Р.А. Зобов. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. Л., 1970.
14. И.П. Суслов. Политическая статистика в работах В.И. Ленина. М., 1968.
15. Управление, социология, право. М., 1971.
16. В.А. Ядов. О диалектике соотношения исторического и структурно-функционального подходов к объяснению социальных явлений. — "Проблемы диалектики", вып. VI. Л., 1976.

A. Litvinova

Prerequisites for Sociological Studies of the Activity
of the Deputies of Local Soviets

Summary

An attempt is made in present article to provide a theoretical basis for interpreting empirically the indicators of the activity of the deputies of local Soviets. The author is trying to combine the causal-genetic and structural-functional approaches in explaining the content of the deputies work with a view of finding out the trends in the development of representative democracy in the stage of developed socialism.

The article offers some of the results of sociological studies, carried out from positions of a similar method in several Soviet republics.

A comparative analysis of the deputies' activity is made by studying their time budget.

И. Н. Волков

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАДРОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ

В последние годы появилось немало работ, посвященных теоретическим и методологическим проблемам кадров, а также практике их подбора и расстановки. Вопросы кадровой работы затрагиваются во многих трудах советских и зарубежных марксистов по научному управлению социалистическим обществом [13, 14, 16, 19, 23, 27]. Однако, несмотря на пристальное внимание, которое привлекла к себе проблема кадров, многие ее аспекты остаются еще не разработанными, на что справедливо указывают почти все исследователи. В настоящей статье автор пытается рассмотреть лишь некоторые стороны указанной проблемы, относящиеся к кадровой работе, а также к возрастанию роли и ответственности кадров в осуществлении политики партии.

Авторы многих работ, рассматривая те или иные стороны кадровой проблемы, ограничиваются самым общим определением термина "кадры" или вообще не дают определения. Понятие "кадры" не всегда имело постоянную смысловую нагрузку, и поэтому в различных источниках оно истолковывается неодинаково. Возникнув в военной области,¹ где оно бытует и сейчас, это понятие стало употребляться и в других сферах общественной жизни, но приобрело здесь иное содержание, которое также не оставалось неизменным. Имеющиеся определения² не раскрывают содержания этого понятия, нередко его до таких пределов расширяют, что в него включаются все работающие. Поэтому представляется целесообразным уточнить содержание этой категории.

К понятию "кадры" относятся прежде всего руководящие работники аппарата партийных, государственных, хозяйственных и общественных организаций, культурно-просветительных учреждений, институтов и других заведений. Их деятельность

может носить характер как основной, так и общественной работы, а должности могут быть выборными, а также замещаемыми по назначению.

Как подчеркивают Р.Гербер и Г.Кнг, кадры — это категория людей, которым поручено руководить другими людьми в процессе осуществления поставленных задач или которые работают в каком-либо руководящем органе. К ним относятся "лучшие представители рабочего класса и народа, способные благодаря своим политическим и профессиональным знаниям, а также практическому и жизненному опыту организовывать массы и руководить ими при решении задач, объективно возникающих в различных областях общественной жизни" [16, с. 9].

По отношению к таким работникам обычно употребляют термины "руководящие партийные кадры", "руководящие советские кадры", "руководящие хозяйственные кадры" и т.д. Эти понятия включают работников различных уровней в зависимости от масштабов их деятельности по руководству другими людьми.

Кроме руководящих работников к категории кадров еще относятся специалисты различных отраслей науки и техники, инженеры, агрономы, экономисты и другие специалисты, которые для выполнения своих задач нуждаются в особой теоретической и практической подготовке. Они также осуществляют в значительной степени руководящую деятельность по отношению к другим людям, хотя непосредственно руководящие функции на них возлагаются не всегда. По отношению к ним употребляют выражения "кадры инженеров", "кадры специалистов сельского хозяйства" и т.д. Специалисты различных отраслей являются важным резервом формирования квалифицированных руководящих кадров.

К кадрам относится также постоянный состав подготовленных работников массовых квалификаций. В сельском хозяйстве, например, это обученные работники полеводства, животноводства, механизаторы и другие.

Таким образом, характерными признаками общего понятия "кадры" являются, во-первых, теоретическая и практическая подготовка работников различных сфер, во-вторых, относительное постоянство их деятельности, обеспечивающее нормальное функционирование как органов управления, так и различных отраслей производства, науки культуры и т.д.

В литературе по научному управлению употребляется понятие "кадры управления" или "управленческие кадры". По вопросу о том, какие категории работников относятся к кадрам управления, пока нет единства взглядов. Ряд исследователей [13, с. 180; 30, с. 159] считают, что в основу решения этого вопроса должен быть положен функциональный подход, а именно, содержание выполняемых работником основных функций. Руководствуясь этим критерием, к кадрам управления следует отнести работников государственных и негосударственных органов и организаций, которые полностью или преимущественно заняты специфическим видом умственного труда — управленческим трудом. Собственно — управленческие работники подразделяются на три группы: руководителей, специалистов и технический персонал (секретари, машинистки, делопроизводители, учетчики и др.). В трудах, посвященных кадровым проблемам, нередко употребляются в одинаковом значении по существу различные термины "кадровая политика", "кадровая работа". Хотя эти понятия имеют много общего, они не тождественны³. Кадровую политику можно определить как главную линию партии в подборе, подготовке и воспитании кадров, объективно обусловленную процессом строительства социализма и коммунизма. Она вытекает из политических, экономических, идеологических и других задач, стоящих перед обществом на различных этапах его развития. Ее главная цель — обеспечить решение этих задач. Кадровая политика охватывает коренные вопросы развития кадров в масштабе научного управления всем социалистическим обществом.

В годы социалистического строительства кадровая политика была нацелена на решение задач индустриализации, кооперирования крестьянства и создания колхозного строя, осуществления культурной революции — этих важнейших направлений построения нового общества. В ее содержание входила не только количественная сторона, т. е. число работников, которое намечалось подготовить и распределить по узловым участкам отдельных сфер общественной жизни, но и качественная сторона, связанная с требованиями, предъявляемыми к подбору, обучению и воспитанию кадров. В кадровой политике отразился учет внутреннего и международного положения нашей страны и классовый подход в решении кадровых вопросов.

Содержание кадровой политики выражено в решениях руководящих партийных органов и Советского правительства.

В отличие от кадровой политики, рассчитанной на длительный срок развития кадров, содержанием кадровой работы является практическое осуществление подбора, обучения, воспитания и использования кадров на каждом данном этапе. Кадровая работа опирается на кадровую политику и одновременно является средством ее реализации.

Руководящее положение Коммунистической партии в обществе определяет и характер ее организационной работы. Партия ведет работу в самой гуще народных масс и выполняет функцию подбора, расстановки и выдвижения кадров и контроля за этой работой не только в партийных, но и во всех других организациях. Это и понятно, ибо политика в широком смысле этого слова — экономическая, социальная, национальная и другая — проводится через людей. Не подбирая и не расставляя кадры на самые ответственные посты, партия не может осуществить руководство массами по строительству нового общества. Тем самым она не сможет выразить интересы самих трудящихся.

Подбор и воспитание кадров партия ведет с момента своего зарождения. Огромный опыт, накопленный ею как до, так и после завоевания власти, имеет историческое значение. Он представляет научный и практический интерес для обоснования работы с кадрами в наши дни и заслуживает самого тщательного изучения.

Высокое назначение кадров партия связывала с необходимостью глубочайшего переустройства всей общественной жизни на социалистических началах. Без руководителей и специалистов, глубоко преданных революции и способных поновому организовать управление страной, по словам Ленина, "переход к социализму невозможен" [I, с. 178].

В ленинских работах и решениях партии с особой силой подчеркивалась роль руководителей в области создания экономики — фундамента нового общественного строя. В.И. Ленин указывал, что процесс коллективного труда не может оставаться без определенного руководства, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. "Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и пред-

приятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в единый хозяйственный организм, работающий с правильностью часового механизма. [I, с. 157].

В Советской России решение кадровой проблемы представляло огромную трудность, вытекавшую из исторически сложившихся условий. Низкий уровень развития производительных сил и культуры, унаследованный от царской России, преобладание мелкотоварного сельского хозяйства, разорительные последствия мировой и гражданской войн, а также иностранной интервенции, вооруженное политическое и идеологическое сопротивление реакции, дезорганизация экономики и контрреволюционный саботаж — в таких условиях началось строительство нового общества в нашей стране. Понадобились многие годы, чтобы новый общественный класс ранее "задавленный нуждой и темнотой, смог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть своих организаторов" [I, с. 192].

На опыте нашей страны была убедительно продемонстрирована истинность фундаментального ленинского положения о том, что только рабочий класс в состоянии руководить всей массой трудящихся в деле создания нового общественного строя. Выдвинув своих организаторов, подготовив многочисленные кадры руководителей и специалистов, трудящиеся нашей страны под руководством Коммунистической партии "успешно справились с самой главной и самой сложной задачей социалистической революции — созидательной" [8, с. 5].

Подчеркивая роль и значение руководящих кадров и специалистов в решении задач создания нового общества, марксистско-ленинская теория не абсолютизирует это положение. Кадрам принадлежит решающая роль не всегда и не при всех обстоятельствах. В области экономики, например, успех деятельности кадров Ленин ставил в зависимость от условий хозяйствования в масштабе всей страны, основанных на учете экономических законов и широкого внедрения принципа демократического централизма в управлении экономикой. В условиях культа личности, а затем субъективизма и волюнтаризма усилился процесс централизации в управлении экономикой, ослабли хозрасчетные принципы, а экономические методы стали заменяться административным регулированием. Экономические

неудачи оценивались главным образом с административной точки зрения, а поиски объективных экономических причин подменялись ссылками на неспособность, ограниченность и субъективную слабость руководителей. Весь упор делался на выработку нормативов, закладываемых в план, и подбор сильных руководителей.

Такой подход в прошлом, как правильно заметил Г.С. Лисичкин [22, с. 5-8], подкупал своей простотой и общедоступностью для понимания, но он явно преувеличивал роль субъективного фактора и не оставлял места для изучения действия объективных законов, которые оказывали влияние на весь ход развития экономики, а также на деятельность кадров. Особенно "не повезло" в этом отношении сельскому хозяйству, где суть всего комплекса сложных проблем нередко сводилась в основном к подбору и перестановке кадров⁴. Считалось, что сильный руководитель "вытянет" хозяйство. Нетрудно заметить, что при отсутствии нормальных условий хозяйствования, кадры руководителей при всех их положительных качествах не могли решить коренных задач подъема сельского хозяйства.

Выяснив причины и формы проявления субъективизма, партия взяла твердый курс на ликвидацию его проявлений. На мартовском и сентябрьском (1965 г.) пленумах ЦК КПСС был выработан новый подход к руководству экономикой, определены принципы экономической политики партии на современном этапе развития. Усилена роль экономических методов, изменена система планирования и материального стимулирования производства, расширена хозяйственная самостоятельность и инициатива предприятий, колхозов, совхозов. Все это создало простор для проявления и развития творческой инициативы кадров.

В первые годы Советской власти под руководством В.И. Ленина были разработаны основные принципы партийного подхода к решению кадровой проблемы. Ленинские идеи, изложенные в те годы, как правило, далеко выходят за пределы конкретной обстановки своего времени и сохранили актуальность и в наши дни. Ценным вкладом является также личный опыт В.И. Ленина как руководителя первого в мире социалистического государства.

Суть ленинского подхода заключается в том, чтобы "как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. Только таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления" [1, с. 193-194].

В трудах В.И. Ленина и решениях партии имеются детальные указания об источниках выдвижения кадров, принципах их подбора по политическим, деловым и моральным признакам, о принципах расстановки и передвижения кадров, необходимости использования и перевоспитания буржуазных специалистов и многим другим кадровым вопросам. Новизна ленинского подхода, исходящая из специфики и особенностей нового строя, ощущается в каждом из этих вопросов.

В решении кадровой проблемы партия несла ответственность не только за партийные кадры, но и за создание огромного количества кадров для работы в органах государственного управления, народного хозяйства и культуры. С самого начала партия признала необходимым развернуть кадровую работу на широкой демократической основе и поставить на службу строительства нового общества неисчерпаемые ресурсы творческих сил народа. Были воплощены в жизнь ленинские требования о том, чтобы "двигать на советскую работу, в первую очередь на хозяйственную работу, сотни и сотни беспартийных, настоящих беспартийных из массы, из рядов рабочих и крестьян" [2, с. 242].

Особое место в кадровой политике и кадровой работе занимает вопрос о национальных кадрах. Борясь за создание необходимых материальных и культурных предпосылок для выравнивания и расцвета социалистических наций, Коммунистическая партия придает первостепенное значение созданию национальных кадров.

Выступая на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-

летию образования СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев указывал на огромную помощь, которая была оказана союзным республикам в культурном строительстве, в подъеме образования, подготовке кадров. "В высших учебных заведениях крупнейших центров страны обучались большие отряды посланцев национальных республик, областей и округов. В самих республиках были открыты десятки университетов и институтов. Социалистическая культурная революция волею партии достигла самых отдаленных окраин" [9, с. 52].

Социалистический строй, отношения дружбы и братства между народами открыли широчайшие возможности для ускоренного культурного развития и подготовки высококвалифицированных кадров не только на бывших отсталых национальных окраинах, но также и в тех республиках, которые к моменту революции находились на сравнительно высоком уровне развития. К их числу относятся и прибалтийские республики.

В настоящее время по уровню образования и подготовки кадров Эстонская ССР, как и другие союзные республики, стоит выше развитых капиталистических стран Запада и Востока. В 1975 году в Эстонской ССР работало 6 вузов и 37 средних специальных учебных заведений (в 1940 г. соответственно - 5 и 17). Численность учащихся на 10 тысяч человек населения с 1940 по 1975 год увеличилась в средних специальных учебных заведениях с 20 до 173, а в вузах с 45 до 163 человек [24, с. 681-683].

За период с 1945 по 1974 гг. в ЭССР подготовлено 96146 специалистов со средним и 52266 - с высшим образованием, что во много раз превышает число подготовленных специалистов за годы буржуазной диктатуры в Эстонии. Количество научных учреждений республики за тот же период возросло с 26 до 72, а число занятых в них работников - с 544 до 5748 человек [25, с. 326, 330, 334]. Такой поразительный рост оказался возможным благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики. "Эстонская национальная культура, - говорил первый секретарь ЦК КПЭ И.Г. Кабин, - в прошлом прозябавшая на задворках капиталистической Европы, теперь вышла на широкие просторы социалистического развития" [21].

Известно, что В.И. Ленин в подборе людей и проверке фактического исполнения дела видел "гвоздь всей работы" [4, с. 16]. Неоднократно подчеркивая это, он не абсолютизировал значения кадровой работы, а требовал подходить к ней как к органической составной части деятельности партии в области научного руководства обществом. В ленинских трудах речь идет не о кадрах "вообще", а о людях в определенной политической системе общества, а также в определенной системе организации управления.

Опыт работы В.И. Ленина на посту Председателя СНК и СТО, его многочисленные распоряжения и письма [3, с. 364-370; 4, с. 152-159] не оставляют сомнения, что он рассматривал работу с кадрами не как отдельные, разрозненные акты подбора и расстановки, а как постоянную системную работу с позиций научного управления обществом.

Особое внимание в своих последних статьях В.И. Ленин уделял совершенствованию работы аппарата управления. Он прекрасно понимал, что осуществить подбор людей и проверку исполнения, равно как и воспитание у кадров необходимых качеств, возможно только в рамках научно построенной системы функционирования управленческого аппарата. В этом он видел важнейшее средство борьбы с бюрократизмом, комчванством, проявлением личных отрицательных качеств руководителей, что могло повлиять на судьбу партии и социалистического строительства. Убедительным примером может служить предложение В.И. Ленина о слиянии РКИ и ЦКК. "...К числу выигрышей, - писал он, - придется также отнести и то, что в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола [4, с. 387].

Ленинские указания о необходимости совершенствования аппарата управления (а они применимы к любой сфере общественной жизни) предполагают научный подход к этому вопросу и не имеют ничего общего с частыми перестройками и реорганизациями партийных, советских, хозяйственных и других органов, проводимыми в годы проявления субъективизма в руководстве политической и хозяйственной жизнью страны.

Партия решительно отбросила все то, что не выдержало проверки жизнью, исправила недостатки в области партийного и хозяйственного строительства, связанные с неоправданными

перестройками руководящих органов, проявляет подлинно творческий подход к совершенствованию структуры аппарата управления.

Опыт СССР и других социалистических стран подтверждает всеобщий характер ленинских принципов подбора, расстановки и воспитания кадров. Разумеется, всеобщность характера этих принципов не отрицает, а, наоборот, предполагает учет конкретно-исторических условий каждой страны.

По принципиальным вопросам подбора, назначения и воспитания кадров нашей партии не раз приходилось преодолевать сопротивление антиленинских фракций и течений. Троцкий и другие оппозиционеры под предлогом разделения политического и организационного руководства пытались лишить партию и ее Центральный Комитет права подбора и расстановки кадров.

Партия дала решительный отпор оппозиционерам. "Нельзя механически отделить политическое от организационного, — говорил В.И. Ленин на XI съезде партии. — Политика ведется через людей..., если у ЦК отнимается право распоряжаться распределением людей, то он не сможет направлять политику" [4, с. 123].

На протяжении всей истории социалистического строительства партия всемерно оберегала кадры от враждебных наскоков, стремления очернить их, посеять к ним недоверие, вбить клин между руководителями и массами. Имевшие место в период культа личности нарушения социалистической законности и репрессии, затронувшие многие руководящие кадры, не присущи самой природе социализма и не отменяют общей линии партии о заботе и сохранении кадров. На всех этапах строительства нового общества партия целенаправленно проводила в жизнь ленинские принципы кадровой политики и кадровой работы.

В современных условиях реакционная пропаганда и правые оппортунисты в своих идеологических и политических диверсиях против стран социализма делают большую ставку на очернение руководящих кадров в глазах трудящихся и замену преданных и опытных партийных и других кадров. Они отрицают коренное классовое различие между руководящими кадрами

в условиях социализма и правящим слоем в капиталистических странах, распространяют злостные вымыслы о какой-то "элите", протекционизме, якобы складывающихся в социалистических странах.

Полное использование огромных возможностей, открываемых новым строем, зависит в первую очередь от коммунистических и рабочих партий, стоящих у руководства, от их способности по марксистско-ленински решать проблемы социалистического развития на основе строгого соблюдения принципов пролетарского интернационализма, взаимной помощи и поддержки. Успехи в достижении своих исторических целей братские партии связывают как с необходимостью совершенствования экономических и политических форм деятельности, более соответствующих потребностям зрелого социализма, так и с поддержкой инициативы широких народных масс, активным участием работников физического и умственного труда в делах руководства и управления [5, с. 19-20].

В настоящее время кадровая политика КПСС исходит из новых объективных условий, сложившихся в развитом социалистическом обществе, а также из факта сосуществования и борьбы двух противоположных общественных систем в условиях развернувшейся глобальной научно-технической революции. "Развитой социализм характеризуется соединением достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства, решительным поворотом к интенсивным методам развития экономики, качественно новым уровнем и масштабами производства, позволяющими непосредственно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся, добиваться важных успехов в экономическом соревновании с капитализмом". [8, с. 9].

Опираясь на теорию и практику развитого социализма, КПСС определила основное направление кадровой политики на более длительную перспективу, конкретизировала пути реализации этой политики. Первостепенное значение партия придает тому, "чтобы все участки партийной, государственной, хозяйственной, культурно-воспитательной и общественной работы возглавляли политически зрелые, знающие дело, способные организаторы" [6, с. 362].

В кадровой работе партия учитывает происшедшие важные социальные изменения, глубокие сдвиги в экономике и характере труда. В процессе борьбы за социализм кадры выросли, расширился их кругозор, возросла инициатива, профессиональная квалификация. Значительно повзрела способность людей участвовать в управлении общественными делами и экономикой, возросло сознание ответственности за порученное дело.

Центральное место в политическом руководстве Коммунистической партии занимает экономика. От правильного научного управления экономической жизнью, от эффективности общественного производства в конечном счете зависит эффективность развития социально-политической и духовной жизни общества. "Если выделить самое главное в экономической политике партии на нынешнем этапе нашего развития, то это крутой поворот к повышению эффективности народного хозяйства на основе ускорения научно-технического прогресса, — говорил Л. И. Брежнев на ХУП съезде ВЛКСМ. — Партия разрабатывает и осуществляет крупные меры по техническому перевооружению производства, совершенствованию его организации и управления, планирования и экономического стимулирования, повышению квалификации и ответственности хозяйственных кадров" [10, с. 532].

Решительный поворот к интенсивным методам хозяйствования, к качественным показателям во всех сферах деятельности выражает объективные потребности нынешнего этапа развития народного хозяйства и требует интенсификации работы управления, максимальной рационализации самого управленческого труда, качественно иного характера деятельности кадров. На октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что борьба за эффективность и качество требует от каждого руководителя и специалиста овладеть ленинским стилем в работе, утверждать современные методы планирования и организации производства, быть активным проводником научно-технического прогресса [12].

В кадровой работе партия органически сочетает доверие и уважение к людям с принципиальной требовательностью к ним за порученное дело, за соблюдение партийной и государственной дисциплины. В постановлении "О состоянии кри-

тики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации" Центральный Комитет КПСС потребовал решительно выступать против стремления некоторых руководителей прикрывать объективными причинами невыполнение плановых заданий и свои упущения в работе, "воспитывать у всех работников высокие моральные качества, социалистическую инициативность, непримиримость к застою и косности" [7]. Развивая эту мысль XXV съезд КПСС подчеркнул, что нельзя оставлять на руководящих постах людей, которые не справляются со своими обязанностями, проявляют безответственность, живут старым багажом, полагая, что должность сама по себе обеспечивает им авторитет и уважение.

В связи с общим возрастанием творческой инициативы и активности трудящихся в управлении производством и различными сферами жизни общества неизмеримо возрастает роль и ответственность руководителей за воспитание трудовых коллективов. Поскольку деятельность руководителя имеет своим объектом коллектив как социальное целое, то совершенно очевидно, что целью его деятельности должно быть создание условий для оптимального развития социалистического коллектива в интересах общества, самого коллектива и всех его членов. Речь идет о создании условий, благоприятствующих всестороннему развитию способностей и творческой активности всех трудящихся, то есть о развитии главной производительной силы общества.

Трудовой коллектив представляет главное поле борьбы за повышение производственной и общественной активности людей. В коллективе совершенствуется мастерство каждого, повышается квалификация, формируются высокие гражданские и нравственные качества. В коллективе человек ощущает кивотворные узы товарищества, взаимопомощи, причастность к заботам родного предприятия. В трудовом коллективе формируется чувство коллективной и индивидуальной ответственности каждого за успех общего дела, за реализацию планов и обязательств, повышение эффективности и качества.

Многие авторы по проблемам управления [19, с. 106-109; 23, с. 4-5] не без основания считают, что в настоящее время центр тяжести в управленческой деятельности перемещается с технических процессов на проблемы коллектива и лич-

ности. Это выдвигает на первый план воспитательную функцию руководителя. Чисто техническая, сугубо административная роль руководителя в процессе управления трудовым коллективом становится невозможной, так как любые технические или административные решения влекут за собой цепь "человеческих последствий", которые отражаются на результатах работы. Только воспитывая коллектив, руководитель может успешно решать поставленные задачи. Разумеется, для этого он должен быть вооружен необходимыми знаниями в области педагогики, социальной психологии, этики, социологии труда. Особенностью воспитательной работы в коллективе является то, что она включает в себя и воспитание самих руководителей.

Все вопросы, связанные с воспитанием коллектива, являются одновременно специфической сферой деятельности партийных и других общественных организаций, а также самодеятельности масс. Поэтому руководитель в своей воспитательной деятельности опирается на коллектив и его общественные организации, старается создать благоприятные условия для активного участия трудящихся в управлении производством, жизнью коллектива. Общность интересов рождает отношения взаимной ответственности между руководителем и общественными организациями за воспитание коллектива.

Деятельность руководящих кадров в наши дни предполагает наличие у них особых качеств. Поэтому партия и общество в целом предъявляют к ним высокие требования. "Современный руководитель, — подчеркивалось на XXV съезде партии, — должен органически соединять в себе партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу. Вместе с тем, на любом участке руководитель обязан учитывать и социально-политические, воспитательные аспекты, быть чутким к людям, к их нуждам и запросам, служить примером в работе и в быту [II, с. 70].

С учетом возросших требований и повышения ответственности руководителей партия совершенствует всю кадровую работу, делает все необходимое, чтобы кадры повышали свой теоретический уровень, овладевали современными достижениями науки и техники, организацией производства и управления.

Только за годы девятой пятилетки в партийных учебных заведениях подготовлено 40 тысяч человек. Более 230 тысяч партийных и советских работников прошли переподготовку на курсах, свыше миллиона человек хозяйственных кадров и специалистов ежегодно повышают свою квалификацию в различных институтах и на курсах усовершенствования [II, с. 71].

Учеными и практиками высказано немало ценных предложений по дальнейшему развитию научного подхода к подбору, расстановке и воспитанию кадров, сделаны попытки установления критериев оценки кандидатур на руководящие должности, внесены рекомендации о пересмотре отношения к характеристикам работников, проведении их аттестации, улучшении подготовки и переподготовки руководящих кадров и специалистов.

Решения XXIV и XXV съездов партии и пленумов ЦК КПСС создали необходимые предпосылки, чтобы в масштабе всей страны поставить действительно "широко, планомерно, систематически и открыто" [I, с. 280] дело подбора, расстановки и воспитания кадров общегосударственного и местного масштаба.

Создание зрелого, развитого социализма по-новому поставило многие задачи экономического, социально-политического и духовного развития страны. Происходит глубокая перестройка многих сторон практической деятельности партии и всего народа. Современный этап развития нашей страны налагает как на руководителей, так и рядовых тружеников высочайшую ответственность, побуждает предъявлять к себе, к своей работе более высокие требования, чтобы внести достойный вклад в решение поставленных партией задач.

С н о с к и

I. В "Толковом словаре" Вл. Даля мы читаем, что слово "кадры" — французского происхождения, это — "офицеры, унтера и флаговые рядовые, составляющие основу полка либо иной части войска, ядро, которое в случае надобности, пополняется рекрутами" [I7, с. 72].

В "Толковом словаре русского языка" под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, кроме указания на чисто военный характер термина, говорится, что кадры — это "дисциплинированный и

вполне пригодный для активной работы состав той или иной социальной профессиональной группы" [29, с. 1278].

2. "Словарь современного русского литературного языка" дает весьма широкое определение этого термина - как "состав работников той или иной отрасли деятельности; сами работники" [28, с. 649].

В "Большой Советской Энциклопедии" кадры определяются как "основной, постоянный состав подготовленных работников партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и других организаций, работников науки, культуры, военнослужащих армии и флота и работников массовых квалификаций всех отраслей народного хозяйства" [15, с. 293]. Более сжатое определение этого понятия дано в "Политическом словаре". "Кадры - основная, постоянная часть подготовленных работников той или иной отрасли труда; основной состав работников государственного, партийного, профсоюзного аппаратов" [26, с. 226].

3. На необходимость различения этих понятий указывается в работе Р.Гербера и Г.Унга, которые в основном правильно трактуют сущность этих категорий [16, с. II].

4. Н.С.Хрущев, например, выступая на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС вместо глубокого анализа положения дел в сельском хозяйстве и выяснения причин его отставания вою вину за невыполнение государственных планов по производству и продаже продуктов сельского хозяйства возложил на местные партийные, советские и сельскохозяйственные организации. Он считал, что для улучшения состояния сельского хозяйства достаточно организационно-административных мер [18, с. 581].

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В.И. ПСС, т. 36.
2. Ленин В.И. ПСС, т. 43.
3. Ленин В.И. ПСС, т. 44.
4. Ленин В.И. ПСС, т. 45.

5. Документы международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5-17 июня 1969 г. М., 1969.

6. КПСС в резолюциях..., т. 10, М., 1972.

7. О состоянии критики и самокритики в Тамбовской областной партийной организации. Постановление ЦК КПСС. - "Правда", 28 февраля 1975 г.

8. О 60-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977.

9. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974.

10. Брежнев Л.И. О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. М., 1975.

11. Брежнев Л.И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС. - Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.

12. Брежнев Л.И. Речь на Пленуме ЦК КПСС 25 октября 1976 г. - "Правда", 26 октября 1976 г.

13. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1969.

14. Аунануу Ф.Ф. Методика подбора и подготовки руководителей производства. М., 1971.

15. Большая Советская Энциклопедия, т. 19, М., 1953.

16. Гербер Рихард, Кнг Герберт. Кадрн в системе социалистического управления. М., 1970.

17. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955.

18. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.

19. Колесников Ю.В. О социальных функциях руководителя социалистического производственного коллектива. - В сб.: Научное управление социалистическим обществом. 6. М., 1972.

20. Кхол Иозеф. Эффективность управленческих решений. М., 1975.

21. Кабин И.Г. Речь на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 50-летию образования СССР. - "Правда", 24 декабря 1972 г.

22. Лисичкин Г.С. План и рынок. М., 1966.

23. Михеев В. Социально-психологические аспекты управления. Стиль и методы работы руководителя. М., 1975.

24. Народное хозяйство СССР в 1975 году. Статистический ежегодник. М., 1976.

25. Народное хозяйство Эстонской ССР в 1974 году. Статистический ежегодник. Таллин, 1976.

26. Политический словарь. Под редакцией Б.Н.Пономарева. М., 1958.

27. Пронин И.И. Руководящие кадры: подбор и воспитание. М., 1971.

28. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1956.

29. Толковый словарь русского языка. Под редакцией проф. Д.Н.Ушакова, т. I, М., 1935.

30. Управление социалистическим производством. "Вопросы теории и практики." М., 1974.

I. Volkov

The Growth of the Role and Responsibility
of Personnel in Implementing Party Politics

Summary

The nature of the personnel, its policy and work are determined by the program lines of the Communist Party. The concept of personnel has three meanings (referring to leading workers, or to qualified specialists or to the people engaged in different fields of national economy).

The Party's main line as concerns the personnel is the selection and training of personnel, objective conditions involved in construction of socialism and communism.

In contrast to the personnel policy meant for a prolonged period of training the personnel, the matter in the work with personnel lies in the practical selection, training and employing of the personnel at each concrete stage. Work with personnel is the means of realizing personnel policy.

Ю.М. Лившиц

ЦЕННОСТНАЯ ПРИРОДА ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТИ И
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Развитие и укрепление положительной взаимосвязи личности и общественного порядка представляет одну из актуальных задач общества развитого социализма. Как отмечалось на XXV съезде КПСС, "заботясь о всемерном развитии личности, прав граждан, мы вместе с тем уделяем должное внимание и проблемам укрепления общественной дисциплины, соблюдению всеми гражданами их обязанностей перед обществом. Ибо без дисциплины и прочного общественного порядка демократия неосуществима" [3, с. 85].

Взаимосвязь личности и общественного порядка, являясь одним из проявлений диалектики личности и общества, в условиях социалистической действительности имеет свои характерные особенности, качественно отличающие эту систему взаимосвязи от всех других исторических систем. Такие особенности проистекают в значительной мере из ценности личности и общественного порядка при социализме, так как новый общественный строй не только обуславливает относительно новое содержание этих ценностей, но и углубляет их абсолютную ценностную природу.

Прежде всего происходят преобразования в объекте и субъекте оценки, ибо в социальном смысле и личность, и общественный порядок приобретают новые исторические качества, а субъект оценки выражает заинтересованность в создании такой иерархии ценностей, которая закрепляет в качестве особо значимой черты личности социалистический коллективизм, лежащий и в основе функционирования социалистического общественного порядка. В той же мере, в какой коллективизм, став чертой социалистического типа личности, обозна-

чает и высокий уровень проявления общественной природы человека, а, следовательно содержит в себе моменты относительности и абсолютности, также и общественный порядок при социализме не только обретает новое классовое содержание, но и наследует прогрессивные и абсолютные моменты любого общественного порядка. Обращая внимание на то, что глубокие изменения всех форм человеческого существования, основанных на новом характере труда, общественной собственности на средства производства и власти трудящихся, касаются и всех элементарных форм человеческого общежития, без которых это общежитие вообще немислимо. Герхард Ханай не без основания говорит о том, что социализм закономерно воспринимает "развитие производительных сил и овладение их мощью, сохранение и поддержание обусловленного этим строя жизни (определяемого, в частности, уровнем развития техники), обеспечение порядка и безопасности, которые вообще обусловлены существованием общества" [10, с.35].

Другим отчетливо прослеживаемым сдвигом в ценности личности и общественного порядка при социализме становится преодоление неизбежного для антагонистических формаций противоречия между относительным и абсолютным проявлениями ценности рассматриваемых социальных явлений. Наличие бытия социалистического общественного порядка в условиях прогрессивного развития общества должно приобретать ценностные свойства в зависимости от того, насколько оно участвует в создании условий, наиболее благоприятствующих проявлению родовой сущности человека, сопутствуя слиянию относительных и абсолютных ценностных моментов в коммунистическом типе личности, для регулирования поступков которой исчезнет необходимость в существовании каких-либо институтов политического принуждения. "Мы не ждем, — писал В.И. Ленин, — пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в подчинении и одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения". [2, с. 49-50].

Но уже в социалистическом обществе функционирование общественного порядка подчиняется высоким требованиям гуманизма.

Социалистический общественный порядок не несет цели в самом себе, а также, как и все общественные отношения социалистического типа, развивается в направлении создания условий, максимально благоприятствующих культивированию всесторонне и гармонически развитой личности. Борьба за укрепление общественного порядка является и борьбой за нового человека, а обеспечение общественного порядка становится условием реализации прав и свобод граждан, выполнения ими обязанностей перед обществом, коллективом, другими людьми в целях установления необходимой гармонии общественных, групповых и личных интересов. Иначе говоря, не личность становится ценностью из-за потребностей функционирования общественного порядка, а общественный порядок является социальным благом потому, что он нужен личности и в качестве такового оценивается подавляющим большинством людей. Кроме того, следует учитывать, что общественный порядок является следствием социального (и правового, в частности) нормирования общественных отношений и тем самым неизбежно несет на себе отпечаток гуманизма, как одного из важнейших принципов моральной и правовой систем социализма. Нельзя не согласиться с В.Д. Попковым, считающим, что начала гуманизма содержатся даже в уголовном праве, ибо неприимиримость социалистического общества к аморальным и преступным деяниям человека, справедливое чувство ненависти направлено не против человека, а бесчеловечного в людях, совершивших преступление [8, с.5].

Это является моральной основой применения крайних видов государственного принуждения— наказания за преступное поведение. Причем этот аспект гуманизма становится исторически объяснимым при условии разграничения понятий гуманизма и гуманности.

"Понятие гуманизм, — писал известный советский исследователь этой проблемы М.И.Петросян, — происходит от латинского слова *humanitas* — человечность, однако оно гораздо шире, чем гуманность, человечность. Уже с эпохи Возрождения понятие гуманизма было связано с идеалом

нового человека, выдвинутого передовым идейным течением в западно-европейской буржуазной культуре, названным впоследствии словом *humanismus* — гуманизм. Идеал человека был связан с общими идеалами классов, с целями их борьбы и жизни." [7, с. 7].

Гуманизм в классовом обществе — явление классовое, в то время как в гуманности сказывается отношение к человеку как таковому; гуманизм это — принцип отношения к людям, гуманность же может проявляться в сиюминутной ситуации, иметь значительный налет филантропии; гуманизм аккумулирует рациональный и эмоциональный подходы к человеку, а гуманность в значительной мере относится к сфере чувственного, иррационального. Поэтому для гуманизма характерна не только любовь к человеку, но и справедливость, лежащая и в основе социалистического общественного порядка. Хотя гуманность может исключать эти начала, выражаясь, скажем, в чувстве жалости к конкретному человеку.

Отмеченные особенности проявляются в виде магистральной тенденции, но не охватывают всего разнообразия взаимосвязей личности и общественного порядка. Следует принимать во внимание, что нет таких явлений общественной жизни, которые не были бы связаны с человеком как личностью. Человек — отправной пункт и конечный смысл всех процессов, образующих историю общества. История, как отмечал Ф. Энгельс, сама ничего не делает, она "не обладает никаким необъятным богатством", она "не сражается ни в каких битвах!" Не история, а именно человек, действительный, живой человек — вот, кто делает все это, всем обладает и за все берется. "История не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека." [1, с. 102]. Поэтому для раскрытия ценностной природы взаимосвязи личности и общественного порядка становится необходимым и выявление того, что делает такую взаимосвязь специфическим общественным явлением, и обнаружение ценностного механизма такой взаимосвязи, учитывая возможную многовариантность последней.

Общественный порядок является ничем иным, как особым

результатом или процессом человеческой деятельности, и без человека не существует. В то же время совершенно реалистична постановка вопроса о взаимосвязи личности и общественного порядка, так как общественный порядок является наличной действительностью, существующей вне личности, а не в ее сознании, к тому же общественный порядок складывается из взаимодействия людей, которое по своей сути предполагает более одного участника такого процесса. Поэтому задача исследования ценностной природы взаимосвязи личности и общественного порядка может быть еще сформулирована и как определение значимости общественного порядка для личности и значимости личности для общественного порядка.

Первое направление взаимосвязи представлено личностным отношением к общественному порядку, системой совпадения или несовпадения индивидуальных ценностных ориентаций с реальной ценностью общественного порядка. В основе такого понимания находится трактовка проблемы ценности, как, прежде всего, проблемы объяснения объективного значения того или иного общественного явления, а потом и его оценки [II, 7]. Разделяя подобный подход, можно сослаться и на более уточненную его характеристику: "Различие между ценностью и оценкой... заключается в том, что ценность объективна, ибо она образуется в процессе общественно-исторической практики. Оценка же есть выражение субъективного отношения к ценности и поэтому может быть как истинной (если она соответствует ценности) так и ложной (если она ценности не соответствует)" [9, с. 54].

У общественного порядка имеется своя объективная ценность, связанная с объективной ценностью личности. Личность же является не только носителем ценности, но и субъектом отражения объективной ценности в индивидуальном сознании. Правильность или ложность отражения объективной ценности образует особый стержень личности, в зависимости от которого может иметь место тот или иной образ поведения человека — это система ценностных ориентаций личности. Система ценностных ориентаций, соотнесенная с реальной ценностью отражаемого объекта, объясняет социальную природу той или иной типизации личности. Рассматривая историческую прогрессивность социалистического общественного порядка в качестве объекта отражения, можно увидеть как личность ока-

зывается представленной своеобразными ценностными ориентациями. Своеобразие состоит в том, что характер отношения личности к общественному порядку выражается в различных проявлениях дисциплинированного, а в отдельных случаях — и анархичного отношения.

Социалистическая дисциплина — необходимая предпосылка и условие функционирования социалистического общественного порядка. Уровень дисциплинированности членов общества непосредственно сказывается на состоянии общественного порядка, который зависит от массового, по его распространенности, поведения людей, соблюдающих нормативные предписания государства и общества. Но такое поведение далеко неоднородно по своей мотивационной основе, так как в одних случаях происходит естественно-исторический процесс согласования ценностных ориентаций реальных носителей характерных признаков нового исторического типа личности с новой исторической ценностью социалистического общественного порядка, а в других — поведение становится адаптивным вследствие принудительного воздействия государственных институтов, а также общественного мнения.

В социалистическом обществе доминирующим видом связи личности с общественным порядком является тот, который складывается благодаря осознанию людьми важности, полезности, необходимости такого поведения, которое согласуется с интересом функционирования социалистического общества, обеспечивающего коренные интересы и каждого отдельного человека. При таком отношении общественный порядок воспринимается лично важным, положительно переживаемым состоянием общественных отношений, входящим в мир субъективных ценностей и норм поведения. Этот вид связи личности с общественным порядком обозначается понятием самодисциплины личности.

Другим видом связи личности с общественным порядком является тот, при котором имеет место противоречивость индивидуальных ценностных ориентаций, что выражается в подчинении личности внешним по отношению к ней социальным (и правовым в особенности) положительным нормам. Внешний характер нормирования выражается в выполнении социальными нормами своей принудительно-запретительной роли. В этом

смысле поведение человека обеспечивается не его положительным отношением к общественному порядку, как в выше приведенном варианте, а иными мотивами, включая боязнь общественного осуждения или применения мер государственного принуждения. Внешне такое поведение выглядит дисциплинированным, и, следовательно, объективно оно способствует функционированию общественного порядка. Однако противоречивый характер ценностно-ориентационного отношения, разобщенность отношения и поведения человека могут привести к конфликтным ситуациям.

Можно выделить и такое отношение, для которого характерна определенная цельность ценностно-ориентационного неприятия общественного порядка. Речь идет об особом виде отрицательной связи, когда общественный порядок воспринимается человеком как внешняя среда, устанавливающая с точки зрения индивида неоправданно узкие рамки поведения в условиях общения с другими людьми. При таком отношении человек, отрицая для себя значимость доминирующих социальных нормативов поведения, пренебрегает интересами общества, встает или пытается встать на путь нарушений общественного порядка, посягает на права и законные интересы других людей. Применяя санкции за нарушения общественного порядка, социалистическое государство использует институты принуждения для перевоспитания, т.е. переориентации морально-правового сознания таких индивидов в направлении ценностного отражения социалистического общественного порядка в соответствии с его исторически-прогрессивной ценностью.

Если связь "личность-общественный порядок" основывается на ценностных ориентациях, то в основе связи "общественный порядок-личность" находится поведение человека в процессе общения.

Ценностно-ориентационная деятельность и общение, имея точки соприкосновения, не совпадают полностью друг с другом. "Особенность общения..., - справедливо считает М.С. Каган, - в прямом смысле слова состоит в том, что здесь информационный обмен есть абсолютно реальное взаимодействие, фиксирующееся в материализованном механизме знаков, тогда как в ценностном контакте "общение" субъекта и объекта имеет чисто духовный характер.

Ценность нельзя увидеть, услышать, осязать, она устанавливается непосредственно переживанием, а затем — пониманием; ее можно описать на том или ином языке — как это делают идеологи или художники, но она существует вне и до таких описаний. Между тем, общение имеет место только тогда, когда с помощью некоего языка — хотя бы языка взглядов — устанавливается контакт между субъектами, и оно исчезает, прекращается, как только выключается канал связи." [4, с. 34].

Личность демонстрирует единство субъективно-психического и поведенческого начал, хотя они в известном смысле и автономны. В качестве свидетельства обоснованности такого утверждения можно, в частности, сослаться на проводившееся в нашей стране исследование, которое имело целью "выявить и строго описать содержание противоречия между ценностными ориентациями и реальным поведением..." [5].

Личность проявляется в поведении, в том числе и в тех его формах, которые связаны с общением и являются элементами функционирования общественного порядка. Это обстоятельство позволяет фиксировать особенности связи "общественный порядок — личность" как связи поведенческой. Понимаемая таким образом, эта связь выражает значимость (т.е. ценностный аспект) поведения человека для общественного порядка, когда личность является: а) необходимым субъектом образования общественного порядка; б) субъектом обеспечения общественного порядка; в) субъектом нарушения общественного порядка.

Как субъект образования общественного порядка человек проявляет себя через общение с другими людьми. Общение — многомерное явление общественной жизни, которое может выступать в "одно и то же время и как процесс взаимодействия индивидов, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс взаимовлияния друг на друга, и как процесс их сопереживания и взаимного понимания друг друга" [6, с. 178]. Не все аспекты общения значимы для образования общественного порядка. Нужно иметь в виду, что общение между людьми может осуществляться на различных уровнях, как например, общение между народами, нациями и т.п. Если такое общение и влияет на общественный порядок, то только как на порядок общественных отношений, рассматривае-

мый в плане макроструктуры общества. Для специального смысла понятия общественного порядка, характеризующего контактный уровень отношений, должен, по всей очевидности, выделяться более непосредственный вид общения. Между тем и этот вид общения, вероятно, не во всех своих проявлениях обязательно участвует в образовании общественного порядка. Такие виды взаимодействия индивидов, как взаимопонимание, взаимоотношение, взаимовлияние, информационная связь, играют скорее роль необязательных условий общественного порядка. Свойственная каждому из этих видов целесообразность совершенно не обязательно охватывает установление общественного порядка. Иначе обстоит дело с таким видом общения, который получил название и н т е р а к ц и и и трактуется как кооперация, согласованность, порядок и упорядоченность групповой деятельности [6, с. 250]. В интеракции можно различать взаимодействие, возникающее из субъективных намерений, но, кроме того, такое взаимодействие, когда "А. не имеет никаких намерений относительно Б., но они связываются сетью объективных зависимостей, так что каждое действие А. вызывает реакцию Б. и т.п. без субъективного осознания происходящего между ними взаимодействия ... Это взаимодействие вытекает из принадлежности к более широкой социальной системе." [12, с. 85]. Такое взаимодействие непосредственно участвует в образовании общественного порядка.

Каждый человек, выступая субъектом отношений в образовании общественного порядка, отличается характерной особенностью своего поведения. Дело, очевидно, состоит в том, что такое поведение по отношению к другим участникам образования общественного порядка является положительно-индифферентным. В рассматриваемой роли личность проявляет себя пассивно, так как цель активного поведения находится вне общественного порядка. В этой области отношений человек, воспринявший положительные нормы поведения, проявляет себя в условиях интеракции, зрительных и иных чувственных контактов с другими людьми таким образом, что, занимаясь конкретными видами жизнедеятельности, не нарушает других лиц, не вступает в конфликтные отношения с органами государства и общественностью, чем и реализует основные функции общественного порядка. Так же, как общественный поря-

док является формой упорочения определенных видов общественных отношений, так и человек своим положительно индифферентным поведением создает форму конкретных видов социальной деятельности, которыми он в данное время и в данном месте занимается. Таким способом происходит включение личности в общественный порядок, а общественный порядок становится следствием определенного вида поведения.

Ценностное содержание личности для общественного порядка меняется, когда из пассивного участника образования общественного порядка личность превращается в субъекта обеспечения общественного порядка. В этом случае происходит перемещение цели поведения в сферу специальных отношений общественного порядка. Следствием целеполагания становится социальная активность личности, направленная на то, чтобы другие люди взаимно корреспондировали в соответствии с действующими положительными социальными нормами свои права и обязанности.

Отрицательная связь личности с общественным порядком образуется тогда, когда отдельный человек выступает в роли нарушителя общественного порядка. Противоречие между потребностями функционирования общественного порядка, обеспечивающего коренные интересы личности при социализме, и негативным поведением человека переходит в стадию конфликта, для ликвидации которого в настоящем и предупреждения в будущем применяются меры государственного принуждения. Причем, именно поступок человека становится основанием для применения такого принуждения.

Рассмотренная система отношений личности и общественного порядка динамична. Изменяясь под влиянием развития и совершенствования социалистического способа производства, отношения людей к общественному порядку приобретают все более конструктивный характер. Об этом свидетельствует уменьшение остроконфликтных ситуаций, требующих строгих государственных мер принуждения и одновременное расширение сферы саморегуляции в процессе общения.

Эта тенденция характеризует перспективы развития социалистического общественного порядка.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2.
2. Ленин В.И. ПСС, т. 33.
3. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
4. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974.
5. Личность и ее ценностные ориентации. ССА М., 1969.
6. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., 1971.
7. Петросян М. И. Гуманизм. М., 1964.
8. Попков В.Д. Гуманизм советского права. МГУ, 1972.
9. Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. М., 1972.
10. Ханай Герхард. Социалистическое право и личность. Пер. с немецкого яз. М., 1971.
11. Чагин В.А. Проблема ценности в свете трудов К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина.— В кн.: "Проблема ценности в философии". М., 1966.
12. Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии. Пер. с польского яз. М., 1969.

J. Livshits

The Valued Nature of Intercommunication of
Personality and Social Order

Summary

Personality and social order have relative as well as absolute value. The tendency to overcome the inevitable contradiction between the relative and absolute value manifestations of personality and social order, insoluble under antagonistic systems, works under socialism. Under socialism the valued nature of intercommunication of personality and social order, however, cannot be free from contradictions. These contradictions take place in the relations of personality and social order (self-disciplined, disciplined and anarchy orientations of value), as well as in manifestations of personality value for social order (personality as the subject of education, securing and infringing social order).

G. Hazak

ÜHISKONDLIK KORD JA SOTSIALISTLIKU ÜHISELU REEGLID

Mistahes tootmisviis eeldab reguleeritud ja korraldatud ühiskondlikke suhteid, mis lõppastmes peegeldavad "keh-tiva olukorra baasi, s.o. selle olukorra aluseks oleva suhte pidevat taastootmist" [1, lk. 726]. Õeldu leiab väljenduse üldtunnustatud või üldkohustuslikes käitumisreeglites, millest kinnipidamine loobki teatud ühiskondliku korra. Teiste sõnadega, riigis tähendab ühiskondlik kord "sellise tootmisviisi kindlustamise ja kaitsmise vormi, mille funktsioneerimisest on eluliselt huvitatud majanduslikult ja poliitiliselt valitsevad klassid; see on kord, mis kujuneb valitsevate klasside huvisid väljendavate kõigi sotsiaalsete normide ja printsiipide realiseerimise tulemusena" [30, lk. 435].

Sotsialistlikus ühiskonnas on ühiskondlik kord suunatud inimese mistahes sotsiaalse rühmise vastu. See kord väljendab kõigi töötajate huve, kaitses ühiskonna omandil rajanevat sotsialistlikku tootmisviisi ja töötajate poliitilist võimu [24, lk. 535].

V.I. Lenin kirjutas: "Me ei oota sellise ühiskondliku korra saabumist, millal ei kehtiks vähemuse enamusele allumise printsiip. Kuid püüdes sotsialismi poole, oleme veendunud, et ta areneb kommunismiks ja sellega seoses hakkab kaduma igasugune vajadus üldse kasutada vägivalda inimeste suhtes, kaob ühe inimese teisele allumise, elanike ühe osa teisele allumise vajadus, sest inimesed harrjuvad pidama ühiskondliku kooselu algelisi tingimusi ilma vägivaldallata ja ilma allumisetä" [2, lk. 426].

Neist marksistlik-leninliku teooria seisukohtadest tuleb lähtuda ka ühiskondliku korra mõiste sisulisel lahtimõtestamisel.

Ühiskondliku korra mõiste seondub alati teatud käi-

tumisreeglite või -normidega, mis ühiskonnas esinevaid inimestevahelisi suhteid reguleerivad. Põhiliselt on kõne all sotsialistliku ühiselu reeglid. Sellepärast on metodoloogiliselt õigem alustada ühiskondliku korra mõiste lahtimõtestamist probleemist - mida mõista sotsialistliku ühiselu reeglite all.

Erialases kirjanduses jagunevad selles küsimuses väljendatud seisukohad põhiliselt nelja gruppi.

Esiteks, sotsialistliku ühiselu reeglitena käsitletakse teatud osa mitteõiguslikest sotsiaalsetest normidest. Nii kirjutab näiteks S. Viljanski, et sotsialistliku ühiselu reeglid kujutavad endast sotsialistliku ühiskonna moraali ja kultuuri norme, mis on muutunud sotsialistlikeks tavadeks. Asudes seisukohal, et sotsialistliku ühiselu reeglid on väljaspool õigusnormide sfääri, seob S. Viljanski neid moraali osas nn. elukondliku eetikaga (käitumine perekonnas, suhtlemine naabritega) ning teiselt poolt sotsiaalsete normidega elukondliku kultuuri valdkonnas (puhtus, korteri korrashoid, riidetumise korrektsus, käitumine avalikes kohtades) [8, lk. 16-19]. Ka I. Novitski arvab, et sotsialistliku ühiselu reeglid pole muud kui sotsialistlikus ühiskonnas väljakujunenud tava, millel puudub riiklik kaitse, s.t. nad on väljaspool õiguslikku reguleerimise sfääri [17, lk. 78]. Siia gruppi kuuluvad ka need autorid, kelle väitel sotsialistliku ühiselu reeglid kujutavad endast lihtsalt moraali üht koostisosa.

Nimetatud kontseptsiooni pooldajad ei näita aga kätte teed sotsialistliku ühiselu reeglite tõelise olemuse mõistmiseks. Lisaks moraali ja kultuuri valdkonda puutuvatele sotsiaalsetele normidele tuntakse ju veel rohkesti teisi, samuti väljaspool õigusnormide sfääri asuvaid sotsiaalseid norme (näit. poliitilised, organisatsioonilised, tehnilised normid, tavad jne.). Pealegi, nagu erialakirjanduses õigesti märgitakse, tähendaks sotsialistliku ühiselu reeglite ülaltoodud tõlgendus nende põhjendamatu taandamist vaid elukondliku tegevuse valdkonda puutuvatele normidele. Eriline (sotsialistliku ühiselu reeglite üks osa) samastatakse põhjendamatuult üldisega (ühiselureeglitega tervikuna). Osa ei ei saa aga reguleerida ühiskondlike suhete kogumit [13, lk. 57-58]. Ka keeleliselt tähendab mõiste "ühiselu" kogu nõu-koegade ühiskonna sotsiaalset elu, selle laadi.

Teine grupp autoreid käsitleb sotsialistliku ühis-
elu reegleid kui erilist, täiesti iseseisvat sotsia-
aalsete normide liiki. Nii väidab A. Aizenberg, et sotsia-
listliku ühiselu reeglid hõlmavad nõudeid, mis sisalduvad
kommunistliku moraali kõigis normides, sotsialistlikes ta-
vades ning lisaks sellele ka õigusnormide teatud osas.
Viimaste all mõistab A. Aizenberg neid õigusnorme, mis pi-
deva täitmise tõttu on muutunud ühiskonnas populaarseks ja
omandanud autoriteedi. Jutt on õigusnormidest, millel on
tendents üle kasvada kommunistliku ühiskonna sotsiaalseteks
normideks [4, lk. 47-48]. Hiljem lisab A. Aizenberg märgi-
tud loetelule veel normid, mis tulenevad ühiskondlike orga-
nisatsioonide tegevusest [30, lk. 354, 385-386]. Seega kri-
teeriumiks sotsialistliku ühiselu reeglite piiritlemisel on
antud juhul võetud nende "väljasuremine tuleviku ühiskonnas".
Ühiskonna arengu praegusel etapil on aga väga raske ette
määrata, millised sotsiaalsed normid kaovad ning millised
jäävad. Vaadeldav kriteerium ei arvesta sotsialistlikus ühis-
konnas kujunenud sotsiaalsete normide reaalselt süsteemi. Pea-
legi võib arvata, et lisaks mitmetele õigusnormidele kaovad
kommunistlikus ühiskonnas ka paljud tänapäeva sotsiaalsed
normid moraali ja tava valdkonnast. Nendele A. Aizenberg ei
viita. Ja lõpuks - jääb selgusetuks, kas A. Aizenberg kä-
sitleb sotsialistliku ühiselu reeglitena siiski ka õigusnor-
me, sest tema kontseptsioonis esinevad need ainult disposit-
sioonina, ilma riikliku sunni võimaluseta. Nii kaob sisuli-
selt vahe õigusnormi ja väljaspool õiguse sfääri olevate
normide vahel. Sotsialistliku ühiselu reeglite kui "sotsiaal-
sete normide kogumi" mõiste osas jäävad aga mitmed küsimused
endiselt lahtiseks.

Pidades sotsialistliku ühiselu reegleid väljaspool õi-
gusnormide ja riikliku sunni sfääri asuvateks sotsiaalseteks
normideks, väidab J. Sokolov, et nad hõlmavad vaid kommunist-
liku moraali norme ja sotsialistlikke tavasid, mis on üld-
tuntud ja üldkohustuslikud, reguleerides sotsialistliku ühis-
konna liikmete igapäevaseid suhteid ning muutudes paljukord-
se rakendamise protsessis järk-järgult sotsialistliku ühis-

konna liikmete harjumuseks [29, lk. 12]¹. Analüüsidest sotsialistliku ühiselu reeglite olemust, mõistab G. Vittenberg. nende all sotsialistlikus ühiskonnas inimeste käitumist reguleerivaid norme, mis väljendavad inimeste suhtumist üksteisesse, ühiskonnasse ja riigisse nii tootmisprotsessis kui ka ühiskondliku või elukondliku tegevuse sfääris. G. Vittenbergi arvates ei väljendu sotsialistliku ühiselu reeglid otseselt seadustes või teistes normatiivaktides. Nende reeglite austamine, järelikult ka range täitmise kohustus tuleneb ühiskondlikust arvamusel, sotsialistlikust moraalist, samuti ka NSV Liidu Konstitutsioonist [10, lk. 5]. Ka see kontseptsioon kui sotsialistliku ühiselu reeglite mõistet põhjendamatuks kitsendav on saanud erialases kirjanduses tõsise kriitika osaliseks [13, lk. 59-60; 9, lk. 152-153].

Kolmas grupp autoreid mõistab sotsialistliku ühiselu reeglite all sotsiaalseid norme, mis hõlmavad nii õiguslikke kui ka väljaspool õiguse sfääri asuvaid käitumisreegleid. Nii kirjutab P. Grišajev sotsialistliku ühiselu reeglitest kui "käitumisreeglistest ühiskonnas, millised on leidnud kinnitust nii õigusnormides kui ka sotsialistliku moraali normides" [12, lk. 57]. J. Andrussenko kirjutab aga sotsialistliku ühiselu reeglitest, mis on "kehtestatud (sanktsioneeritud) riigi normatiivsete aktidega või sotsialistliku moraali normides ettenähtud reeglitega" [5, lk. 162; 6, lk. 8]. Põhimõtteliselt samal seisukohal on veel teisigi autoreid [27, lk. 386; 21, lk. 5; 25, lk. 142; 13, lk. 61-63; 3, lk. 7-8]. Viimati märgitud kontseptsioonile ligilähedasel seisukohal on needki autorid, kes vaatlevad sotsialistliku ühiselu reegleid nn. laiemas ja kitsamas tähenduses. Nii käsitab M. Kareva sotsialistliku ühiselu reeglite all laiemas tähenduses

¹ J. Sokolov teeb seejuures ettepaneku asendada nn. laias tähenduses kasutatav termin "sotsialistliku ühiselu reeglid" terminiga "sotsialistliku ühiskonna normid", mõistes viimaste all norme, mis reguleerivad inimeste käitumist sotsialistlikus ühiskonnas, väljendades kogu rahva taht (s.t. nii õigusnormid kui ka kommunistliku moraali normid ja sotsialistlikud tavad). Ent selline muudatus terminoloogias ei lahenda probleemi sisuliselt, sest J. Sokolovi kontseptsiooni kohaselt tähendaks termin "sotsialistliku ühiselu reeglid" ka edaspidi vaid moraali ja tavade valdkonda kuuluvaid käitumisreegleid. Mõiste "sotsialistliku ühiskonna normid" ei saa sisuliselt asendada mõistet "sotsialistliku ühiselu reeglid", sest viimased kujutavadki endast sotsialistlikus ühiskonnas kehtivaid sotsiaalseid norme. Sisuliselt kujuneks terminite parallelism.

duses kõiki norme, mis sotsialistlikus ühiskonnas kehtivad ja mis väljendavad ühiskonna eesrindlike vaateid. Sotsialistliku ühiselu reeglitenä kitsamas tähenduses mõistab ta sotsialistlikus ühiskonnas kujunenud tavasid [18, lk. 74]. O. Joffe ja M. Šargorodski mõistavad sotsialistliku ühiselu reeglitenä selle mõiste laiemas tähenduses kõiki sotsialistlikku tüüpi sotsiaalseid norme, kitsamas tähenduses aga kõiki sotsialistlikus ühiskonnas kujunenud mitteõiguslikke käitumisreegleid, millest kinnipidamine tagatakse traditsioonide jõuga ja ühiskondliku arvamusega [15, lk. 118-119].

Sotsialistliku ühiselu reeglite liigitamine kahte rühma - laiemas ja kitsamas tähenduses - kajastub ka mitmetes teatmeteostes, kusjuures siingi hõlmavad sotsialistliku ühiselu reeglid laiemas tähenduses kõiki sotsiaalseid norme, nii õiguslikke kui ka väljaspool õiguse sfääri asuvaid, kitsamas tähenduses aga vaid mitteõiguslikke norme.

Esitatud on ka omamoodi kompromissvariant. Näiteks väidab S. Kurõljov, et sotsialistliku ühiselu reeglitenä tuleb käsitada moraalnorme ja õigusnormide seda osa, mis sotsialistlikus ühiskonnas on omandanud traditsioonide tähenduse [23, lk. 20].

Sotsialistliku ühiselu reeglite olemuse mõistmiseks tuleb lähtuda põhimõttelisest seisukohast, et tegemist ei ole mitte tinglike terminitega või erinevaid sotsiaalseid norme mehaaniliselt ühendava mõistega, vaid ajaloolise materialismi iseseisva kategooriaga, mis väljendab sotsialistlikus ühiskonnas objektiivselt kujunenud norme.

K. Marx rõhutab, et "... olemasoleva olukorra baasi, s.o. selle olukorra aluseks oleva suhte pidev taastootmine omandab aja jooksul reguleeritud ning korraldatud kuju; see regulaarsus ja see kord ise on aga tootmisviisi vajalik moment, kui see tootmisviis peab muutuma ühiskondlikult püsivaks ja paljast juhusest või omavolist sõltumatuks. Regulaarsus ja kord just ongi antud tootmisviisi ühiskondliku kindlustamise vormiks ning seepärast selleks vormiks, mis teeb selle tootmisviisi relatiivselt vabaks lihtsast omavolist ja lihtsast juhusest. Tootmisviis omandab selle vormi nii tootmisprotsessi kui ka viimasele vastava-

te ühiskondlike suhete stagnatsiooniolukorra tingimustes, lihtsalt nende suhete korduva taastootmise tõttu. Kui vorm on teatud aja püsinud, siis fikseerub ta kui tava ja traditsioon; lõpuks sanktsioneeritakse ta kui selgesõnaline seadus" [1, lk. 726-727].

Seega ei tulene sotsiaalsed normid, inimeste käitumisreeglid mitte juhuslike asjaolude pinnalt, vaid paratamatult konkreetsest tootmisviisist, mis osakorda vastab tootlike jõudude arengutasemele. Käitumisreeglid on loodud inimeste endi poolt ja vastavad nende tahtele, väljendades alati valitseva klassi huvisid ja eesmäärke. Sotsiaalsed normid reguleerivad seejuures mitte ainult poliitilisi ja muid pealisehituse suhteid, vaid avaldavad mõju ka konkreetsetele majandussuhetele. Viimati öeldus avaldub sotsiaalsete normide aktiivne tagasimõju ühiskonna majanduslikule baasile.

Põhjendatult märgib L. Javitš, et konkreetsete majanduslike ja teiste ühiskondlike suhete kord kujuneb kõigist valitsevatest sotsiaalsetest normidest kinnipidamise tulemusena, kusjuures need normid väljendavad ja kinnitavad valitseva tootmisviisi normaalse funktsioneerimise vajadust ning antud tootmisviisile vastava klassiühiskonna poliitilise võimu takistusteta realiseerimist [32, lk. 14]. Seepärast oleks ilmselt ebaõige sotsialistliku ühiselu reeglite kui sotsialistlikus ühiskonnas kujunenud ühiskondlike suhete regulaatori mõiste mistahes kitsendamine, selle taandamine moraalile ja tavade või sotsiaalsete normide muule, kitsale osale. Sotsialistliku ühiselu reeglid etendavad kindlat osa kommunistliku ühiskonna materiaaltehnilise baasi loomisel ja inimese ümberkujundamisel, kusjuures õigusnormidel on siin eriline kaal. Õigusnorme ei oleks õige lahutada moraalist, tavadest või muudest sotsiaalsetest normidest, rääkimata nende vastuseadmisest. Objektivselt esinev seos on vastastikune.

Õigusnormide ja sotsialistliku ühiselu reeglite ülejäänud osa vastastikusele seosele ja samal ajal ka osavahelisele erinevusele viitab kujukalt ka meie maa põhiseadus. NSV Liidu Konstitutsiooni paragrahv 59 kohustab NSV Liidu kodanikke "järgima NSV Liidu Konstitutsiooni ja Nõukogude seadusi, austama sotsialistliku ühiselu reegleid...".

Ei saa nõustuda J.Sokolovi väitega, et seaduseandja teeb vahet ja piiritleb ühelt poolt õigusnorme ja teiselt poolt sotsialistliku ühiselu reegleid [29, lk. 10-12]. Sama hästi võiks ju väita ka vastupidist, ja nimelt, et seaduses sotsialistliku ühiselu reeglitele eraldi viitamine muudab need reeglid juba iseenesest õigusnormideks. Mõlemad seisukohad on väärad.

Autor nõustub O. Joffega, et sotsialistliku ühiselu reeglite lülitamine seaduse teksti ei tähenda veel seda, et nad muutuvad õigusnormideks [16, lk. 101-103].

Täpselt samuti pole alust käsitada sotsialistliku ühiselu reegleid "õiguse allikatena". Sellega vaid eitatakse nende reeglite iseseisvat osa sotsialistlike ühiskondlike suhete reguleerimisel. Tõsi on aga see, et õigusnormi iseloomu mitteomavad sotsialistliku ühiselu reeglid on väga tihedalt seotud õigusnormi iseloomu omavate sotsialistliku ühiselu reeglitega ning aitavad sageli neid lahti mõtestada ja konkretiseerida. Nii näiteks aitavad mitteõiguslikud sotsialistliku ühiselu reeglid paremini mõista õiguslike normide sisu, mis näevad ette vastutuse solvamise, laimu, omavoli ja paljude teiste kuritegude eest. Nad aitavad avada ka selliste kriminaal- või administratiivõiguslike mõistete sisu, nagu "ühiskondliku korra jäme rikkumine", "eriti küüniline huligaansus", "eriti jõnker huligaansus", "ilmne lugupidamatus ühiskonna vastu", "ebatsensuurne sõim", "kodanike rahu häirimine". Kõlblus, moraal, tavad - kõik seda liiki mitteõiguslikud sotsiaalsed normid on siin otsekui võtmeks, mis avab konkreetse õigusnormi sisu. Arusaadavalt ei ole kõnealused kriteeriumid jälgad, dogmaatilised. Koos ühiskonna arenguga muutuvad arusaamad teatud käitumisest ja sellest tulenevalt ka sotsiaalsed normid. Nii muutuvad teatud negatiivsed käitumisaktid teravamalt hukkamõistetavaks, mis võib viia isegi uute õigusnormide loomise vajaduseni. Näiteks on see nii võitluses alkoholi kuritarvitamise vastu (administratiivvastutuse kehtestamine alkoholsete jookide tarvitamise eest tänaval, parkides ja teistes avalikeskohtades, alkoholismivastase sundravi kehtestamine, krimi-

naalvastutuse sisseseadmine alaealiste kaasatõmbamise eest joomisele jne.). Ent teiselt poolt võivad mitteõiguslikud sotsiaalsed normid ja nendest kinnipidamise aste tingida teatud õigusnormide kaotamise otstarbekuse, kui viimaste rikkumine on muutunud ühiskondlikult erandlikuks. Nii toimus see näiteks mitmete kriminaalõiguslike normidega, mis reguleerisid vastutust tööseadusandluse või transpordivahendite kasutamise eeskirjade rikkumise eest. Mitmel juhul on piiratud ka administratiivse mõjutamise vahendeid ühiskondliku mõjutamise vahendite arvel. Märkigem siiski, et sotsialistliku ühiselu reeglite raames õiguslike ja mitteõiguslike sotsiaalsete normide vahel õige proportsiooni loomine nõuab ühiskonnas toimuvate nähtuste ja arengutendentside sügavat tundmist. Igasugused liialdused mistahes suunas või ennatlikud otsused võivad ühiskonnale vaid kahju tuua.

Sellele juhib tähelepanu V. Tšhikvadze, kui ta kirjutab, et kahjuks taandavad mõned autorid sotsialistliku demokraatia laiendamise ülesande isetegevuslike ja teiste mitteriiklike organisatsioonide ühekülgsel arendamisele, seades viimased riiklike vormide kõrval esiplaanile. Vahel võib kohata väiteid, nagu tähendaks kommunistliku ühiskonna omavalitsuse küpsemine lihtsalt riiklike vormide asendamist ühiskondlikega ning ühiskondlikele organisatsioonidele riigi funktsioonide üleandmise kiirendamise vajadust jaotamise ja teenindamise sfääris, ühiskondliku korra kaitse ja kultuuri arendamise valdkonnas [31, lk. 246].

Arusaadavalt ei kattu sotsiaalsed normid omavahel. Eri normid väljendavad erinevaid ühiskondlikke suhteid. Sellepärast ei väljenda ka sotsialistliku ühiselu reeglite mõiste mitte üksikute normide ühtelangevaid või sarnaseid tunnuseid, vaid kontsentreerib tähelepanu põhilisele ühisele, mida need normid sisaldavad. Sotsialistliku ühiselu reeglid väljendavad käitumise üldisi tunnuseid, mis iseloomustavad inimeste suhteid sotsialistlikus ühiskonnas ja tulenevad lõppastmes ühiskonna materiaalse baasi arengu seaduspärasustest. Tootmisvahendite ühiskondlik omand ja marksislik-leninlik ideoloogia on põhilised tegurid, mis sotsialistliku ühiselu reegleid kujundavad.

Üksikasjalikult on sotsialistliku ühiselu reeglite

olemuse probleemi käsitletud J. Avdejev ja V. Strunnikov. Märkides, et sotsialistliku ühiselu reeglid reguleerivad inimeste vahel kõige erinevamaid suhteid - tootmise sfääris, elukondlikult, kollektiivis ja perekonnas, rõhutavad autorid, et nimetatud reeglid võivad olla kinnitatud nii õigusnormides kui ka moraali, tavade või ühiskondlike organisatsioonide poolt kehtestatud normides [3, lk. 7]. Soostudes märgitud seisukohaga, kirjutab M. Nigai, et sotsialistliku ühiselu reeglite rikkumisega on väiäldamatult tegemist näiteks siis, kui isik elab ühiskonnavastaselt, parasitlikult või kui ta ei täida oma kohustusi laste kasvatamisel või vanemate ees, samuti ka siis, kui isik ei tasu mõjuva põhjusega ühiskondliku organisatsiooni liikmemaksu, mille koosseisu ta kuulub, kui ta ignoreerib üldtunnustatud viisakusreegleid, kultuurse ja sündsa käitumise reegleid jne. [25, lk. 142]. J. Avdejev ja V. Strunnikov asuvad põhjendatult seisukohal, et siiski mitte kõiki sotsiaalseid norme ei saa käsitada sotsialistliku ühiselu reeglitena.

Sotsiaalsete normide hulgas on teatud grupp norme, millel on eranditult organisatsioonilis-tehniline iseloom. Arusaadavalt evib iga sotsiaalne norm ühiskondlike suhete teatud organiseerimise eesmärgi elementi, ent mitte iga sotsiaalne norm ei väljenda teatud moraalset või õiguslikku hinnangut konkreetse ühiskondliku suhte väärtusele. Rida sotsiaalseid norme sisaldavad vaid tehnilisi eeskirju ühe või teise ühiskondliku suhte reguleerimiseks. Nii näiteks sisaldub normis, mis näeb ette valitavate organite (näit. NSV Liidu või liiduvabariigi ülemnõukogu) kokkukutsumise perioodilisuse nõude, teatud hinnang vastavale ühiskondlikule suhetele, sest see peegeldab ja lubab teha hindavaid järeldusi võimuorganite valimise ja organiseerimise demokraatliku iseloomu kohta. Ent samas on ka rida sotsiaalseid norme, nii õiguslikke kui ka väljaspool õigusnormide sfääri, mis reguleerivad näiteks valitavate organite struktuuri, kokkukutsumise tehnilist korda, osavõtjate registreerimist, arvestust jne. Need sotsiaalsed normid ei sisalda hinnangut ühiskondlikele suhetele.

Sellest teevadki J. Avdejev ja V. Strunnikov järelduse, et sotsialistliku ühiselu reeglitena selle mõiste otseses tähenduses on vaadeldavad vaid need sotsiaalsed normid, mis sisaldavad hinnangut ühiskondlikule suhetele [3, lk. 8].

Mitte pretendeerides sotsialistliku ühiselu reeglite absoluutselt kõiki elemente hõlmava definitsiooni esitamisele, võime eeltoodu alusel kõige olulisemat rõhutades öelda, et sotsialistliku ühiselu reeglid on sotsialistlikus ühiskonnas kehtivad sotsiaalsed normid, mis sisaldavad ühiskonna nõudmisi oma liikmete suhtes ja hinnangut nende käitumisele, väljendudes õigusnormides, samuti ka tavades, moraali- või ühiskondlike organisatsioonide poolt kehtestatud normides, annavad sotsialistliku ühiselu reeglid ühiskonnale võimaluse kontrollida oma liikmete käitumist, ning reguleerides inimestevahelisi suhteid, avaldavad aktiivset mõju ühiskondlikule elule sotsialistliku ühiskonna suhete kaitsmise, ühiskonna teadlike liikmete kasvatamise ning kommunistliku ühiskonna loomise eesmärgil.

Formuleerinud sotsialistliku ühiselu reeglite mõiste, võime asuda ühiskondliku korra mõistet lahti mõtestama. Põhiliselt kõik ühiskondliku korra mõistet käsitletud autorid on pöördunud seda avada sotsialistliku ühiselu reeglite mõiste kaudu. Arusaadavalt tulenevad sellest ka olulised sisulised erinevused ühiskondliku korra mõiste käsituses, sest nagu eespool nägime, pole õigusteadlased sotsialistliku ühiselu reeglite mõiste formuleerimisel kaugeltki ühesugusel seisukohal.

Kui sotsialistliku ühiselu reeglid kujutavad endast ühiskonnas kehtivaid sotsiaalseid norme, käitumisreegleid, siis ühiskondlik kord sotsialistlikus ühiskonnas kujutab endast nimetatud üldtunnustatud ja üldkohustuslikest käitumisreeglitest kinnipidamise tagajärge [24, lk. 535]². Ühiskond-

² Termin "ühiskondlik kord" esineb eesti keeles kahes tähenduses: ühelt poolt kui "nõukogude ühiskondlik kord" (v.k. общественный строй), teiselt poolt kui inimeste teatud käitumist iseloomustav kord (v.k. общественный порядок). Termini kasutamine kahe sisult erineva mõiste väljendami- seks ei soodusta nende piiritlemist ning võib seaduste rakendamisel tekitada mitmeti mõistmist. Seepärast tuleks pidada otstarbekaks kasutada mõiste "общественный порядок" eesti- keelse vastena terminit "ühiskord", mis väljendaks ühiskonna liikmete käitumise teatud korda (vrdl. näiteks terminiga "ühis- elu reeglid"). Mõeldav on ka kasutada termineid "ühiskonna- kord" (общественный строй) ja ühiskondlik kord (обществен- ный порядок). Kaesolevas artiklis kasitletakse "ühiskond- likku korda" vaid viimati tähendatud mõistes.

lik kord tuleneb vastavast tootmisviisist ning selle mõju-
sfääri objektiks on kõigi ühiskondlike suhete kogum. Ühis-
kondliku korra sisuks on ühiskondlikud suhted, mis kujunevad
kõigi sotsiaalsete normide täitmisest. Ühiskondliku korra vormi-
liseks väljenduseks on alati see võimalik ja kohustuslik
käitumine, mis sotsiaalsetes normides ette nähtud. Sellepärast
pole õige taandada ühiskondlikku korda vastavas ühis-
konnas kehtivatele ühiselureeglitele (sotsiaalsetele normi-
dele), sest ühiskondlik kord - see on käitumisreeglitest kin-
nipidamise resultaat, mitte aga käitumisreeglid ise, kuigi
ilma viimasteta ei saaks ühiskondlik kord eksisteerida. Teis-
te sõnadega - sotsiaalsed normid (moraali ja õiguse valdkon-
nast) kujutavad endast ühiskondliku korra hädavajalikku eel-
tingimust [32, lk. 15].

Seega on ühiskondlik kord meie ühiskonnas sot-
sialistlike suhete kord, mis kujuneb tööliklassi ja kõigi
töötajate tahet väljendavate käitumisreeglite (sotsiaalsete
normide) täitmisest. Selles tähenduses kujutab ühiskondlik
kord sotsialistliku tootmisviisi ja töötajate poliitilise vormi
kindlustamise vormi, kaitstes nõukogude rahva huve, välis-
tades rõhumise ning väljendades materiaalsete ja vaimsete
väärtuste tootjate endi huve ja sotsialistliku demokraatia
printsipe [32, lk. 16].

Ühiskondliku korra mõiste sellist tõlgendust toetavad
paljud autorid - nii need, kes mõistavad sotsialistliku ühis-
elu reeglite all lisaks moraalinormidele ja tavadele ka õi-
gusnorme, kui ka need, kes ei pea õigusnorme sotsialistliku
ühiselu reegliteks. Nii arvab M. Jeropkin, et "ühiskondlik
kord selle sõna laiemas tähenduses hõlmab ühiskondlikke suh-
teid, mis rajanevad kõige erinevamatel sotsiaalsetel normi-
del" [14, lk. 3].

Mõistes ühiskondliku korra all kõigi ühiskondlike su-
hete kogumit, mis iseloomustab nõukogude ühiskonna kõigi käi-
tumisnormide täitmisest tulenevat seisundit, märgib I. Reba-
ne põhjendatult, et erinevad sotsiaalsed normid, sealhulgas
ka õigusnormid ja ühiselureglid, erinevad üksteisest mitte
niivõrd reguleerimise eseme, kui võrd normatiivse reguleerimi-
se viisi, meetodi ja vormi poolest. Järelikult ei erine üks-
teisest kvalitatiivselt ka need ühiskondlikud suhted, mille
raamides käitumisnormid realiseeruvad. Nimelt sellepärast ku-
lubki kõigi ühiskondlike suhete kogum, mis iseloomustab nii

ühiselureeglitest kui ka õigusnormidest kinnipidamise seisundit, nõukogude ühiskondliku korra üldmõistesse [26, lk. 64].

Ühiskondliku korra mõiste detailsema avamise katse teeb J. Sokolov, kes peab sotsialistlikule ühiskondlikule korrale iseloomulikuks kolme põhijoont. Sotsialistlik ühiskondlik kord

esiteks - hõlmab sotsialistlikke ühiskondlikke suhteid, mis on reguleeritavad Nõukogude õiguse normidega ja sotsialistliku ühiselu reeglitega;

teiseks - rajaneb Nõukogude õiguse normide rangeimal täitmisel ning lugupidamisel sotsialistliku ühiselu reeglitest;

kolmandaks - kindlustab sotsialistlike ühiskondlike suhete puutumatus, ühiskonnavastaste tegude ärahooldmise ja tõkestamise, soodustab eelduste loomist üleminekuks kommunistlikule ühiskondlikule korrale [29, lk. 6-7].

Analoogilisel seisukohal on ka G. Vittenberg, J. Andrussenko, B. Utevski, A. Kuznetsov, P. Grišajev jt. [10, lk. 26; 2, lk. 7; 27, lk. 386; 28, lk. 382; 11, lk. 4].

Nimetatud autorite seisukohtade erinevus väljendub vaid erisuguses lähenemises küsimusele, mida mõista sotsialistliku ühiselu reeglite all. Ühisel seisukohal ollakse aga selles, et ühiskondlikku korda kui ühiskondlike suhete korda reguleerivad sotsiaalsed normid - nii õigusnormid kui ka väljaspool õiguse sfääri asuvad normid.

Ei saa pidada täpseks ühiskondliku korra mõiste tõlgendamist "nõukogude rahva poolt reguleeritud ühiskondliku elu seisundina, millega tagatakse riikliku ja sotsiaalse korra ning sotsialistliku omandi vankumatus, isiku ja kodanike õiguste kaitse". Mõiste selline määratlus on liiga üldine ning on esile kutsunud põhjendatud vastuväiteid [29, lk. 9-10]. Tõepoolest ei piisa, kui öelda, et "ühiskondlik kord on nõukogude rahva poolt reguleeritud ühiskondliku elu seisund". Tekib kohe küsimus: millega selline seisund on reguleeritud, milliste sotsiaalsete normide abil nõukogude rahvas seda teeb? Sellepärast peaks normatiivsuse tunnus, viide vastavatele sotsiaalsetele normidele igal juhul sisalduma otseselt ühiskondliku korra mõistes.

Millist terminit seejuures kasutada - kas "ühiskondli-

ke suhete kord" või "ühiskondlike suhete seisund" [19, lk. 11] - see ei ole meie arvates viite korral sotsiaalsetele normidele enam olulise tähtsusega.

Mõistes sotsialistliku ühiselu reeglite all kõiki sotsialistlikele ühiskondlikele suhetele teatud hinnangut sisaldavaid sotsiaalseid norme, võime ühiskondlikku korda formuleerida kui sotsialistliku ühiselu reeglitega reguleeritud ühiskondlike suhete korda.

Kuivõrd sotsialistliku ühiselu reeglid hõlmavad nii õiguslikke kui ka mitteõiguslikke norme, siis moodustab sotsialistlik õiguskord kui õigusnormidest kinnipidamise resultaat ühiskondliku korra ühe koostisosa. Õiguskorra suhet ühiskondliku korraga iseloomustab osa suhe tervikuga või - nagu erialases kirjanduses on väidetud - liigitunnuse suhe sootunnusega [7, lk. 57]. Sellest tulenevalt kujutab iga õiguskorra rikkumine ka ühiskondliku korra rikkumist, kuid mitte iga ühiskondliku korra rikkumine ei tähenda õiguskorra rikkumist. Millise osa õiguskord ühiskondliku korra raames peab moodustama, see oleneb väga paljudest sotsiaalsetest teguritest. Ent on täiesti selge, et kuni kommunistliku ühiskonna täieliku ülesehitamiseni ja sotsialismi kindlustamiseni rahvusvahelisel areenil etendab õiguskord sotsialistliku ühiskondliku korra raames olulist osa.

Et riik kindlustab õiguse abil tähtsamaid majanduslikke ja poliitilisi suhteid, siis kujutab õiguskord sotsialistlikus riigis ühiskondliku korra peamist sfääri. Kuigi õiguskord ja ühiskondliku korra ülejäänud osa on väga tihedalt omavahel seotud, võib esimest ühiskonna arengu praegusel etapil käsitleda kui ühtse terviku tähtsaimat spetsiifilist osa.

Olles ühiskonna lahutamatu koostisosa, on õiguskord omakorda orgaaniliselt seotud seaduslikkusega. Kui seaduslikkus kujutab endast ühiskonna riikliku juhtimise meetodit, mis eeldab võimu poolt kehtestatud seadustest kinnipidamist ja nende täitmist, siis kujutab õiguskord endast suhete korda, mis on seaduslikkuse meetodi rakendamise resultaat [24, lk. 543].

Sotsialistlik õiguskord on ajalooliselt õiguskorra kõrgeim liik. Ent see ei tähenda, et sotsialistlikus riigis on välistatud õiguskorra mistahes rikkumised. Sellepärast rõhutatakse NLKP programmis, et "partei seab ülesandeks tagada

range kinnipidamine sotsialistlikust seaduslikkusest, iga-
suguste õiguskorra rikkumiste väljajuurimine..."

Oma mõjusfäärilt on ühiskondlik kord ja sotsialistli-
ku ühiselu reeglid kattuvad mõistet - viimastest kinnipida-
mine loobki ühiskondliku korra. Tuleb nõustuda P. Grišajevi-
ga, kelle arvates mõisted "sotsialistlik ühiskondlik kord",
"sotsialistlik ühiselu" ja "sotsialistliku ühiselu reeglid"
on niivõrd lähedased, et praktiliselt puudub võimalus nende
piiritlemiseks ja selleks pole ka mingit vajadust [12, lk.
60]. Teiste sõnadega tähendab see ühiskondliku korra mõiste-
le sama raamistiku andmist mis sotsialistliku ühiselu reeg-
litele. Erialases kirjanduses on nimetatud seisukoht kutsu-
nud esile ka rohkeid vastuväiteid, mis põhiliselt taanduvad
sellele, et leitakse, nagu laiendaks märgitud kontseptsioon
põhjustamatult ühiskondliku korra mõistet.

Mitmed autorid väidavad, et ühiskondliku korra all
tuleb mõista vaid neid sotsialistliku ühiskonna suhteid, mis
iseloolestavad inimeste käitumist avalikus kohas [20, lk.
220; 21, lk. 5; 25, lk. 142-143; 22, lk. 3; 32, lk. 16-17].
Meie arvates ei ole selline seisukoht kooskõlas Nõukogude
seadusandluse põhimõtetega ega aita kaasa sotsialistliku
seaduslikkuse tugevdamisele, sest võib kergesti viia sea-
duste suvalisele, subjektiivsele tõlgendamisele, millega sa-
geli kaasneb seaduslikkuse rikkumine. Sellepärast tuleb ka
ühiskondliku korra mõiste lahtimõtestamisele läheneda mitte
ühe või teise konkreetse õigusnormi kitsast vaatevinklist,
vaid lähtudes marksismi-leninismi põhimõtetest riigi ja õi-
guse valdkonnas.

К и р ж а н д у с

1. М а р х, К. Капитал, 3. kd.
2. Л е н и н, В.И. Теосед, 25. kd.
3. А в д е е в Ю.И., С т р у н н и к о в В.Н. Правила
социалистического общежития и участие общественности в их
охране. М., 1961.
4. А й з е н б е р г А.М. Лекции по курсу теории госу-
дарства и права. Вып. 14. М., 1961.

5. Андрусенко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности за хулиганство. — Ученые записки Таджикского университета. Вып. 9. Т. XX. Душанбе, 1959.
6. Андрусенко Е.А. Понятие хулиганства и меры борьбы с ним. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Душанбе, 1963.
7. Васильков П.Т. Государственная дисциплина в СССР. М., 1960.
8. Вильнянский С.И. Обычай и правила социалистического общежития. — Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 5. Харьков, 1954.
9. Винберг А.И. Рецензия. Ю.А. Соколов. Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. — "Советское государство и право", 1963, № 12.
10. Виттенберг Г.Б. Меры борьбы с хулиганством. Иркутск, 1959.
11. Гришаев П.И. Преступления против общественной безопасности и порядка. — Советское уголовное право. Часть особенная. Вып. 10. М., 1959.
12. Гришаев П.И. Преступления против порядка управления, общественной безопасности и общественного порядка. Лекция для студентов ВЮЗИ. М., 1957.
13. Дашдамиров С.Г. К вопросу о понятии прав социалистического общежития. — Ученые записки Азербайджанского государственного университета. Серия юридических наук. № 1. Баку, 1967.
14. Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. М., 1965.
15. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
16. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
17. Источники советского права. М., 1959.
18. Карева М.П. Право и нравственность в социалистическом обществе. М., 1951.
19. Кафаров Т.М. Борьба с хулиганством по уголовному законодательству Азербайджанской ССР. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Баку, 1963.

20. К р а с и к о в Ю.А. К вопросу о понятии объекта хулиганства в советском уголовном праве. - Сборник работ аспирантов Воронежского государственного университета. Вып. I. Воронеж, 1965.

21. К р а с и к о в Ю.А. Хулиганство, его сущность, причины и профилактика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 1966.

22. К у з н е ц о в а Н.Ф. Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1963.

23. К у р ы л е в С.В. Мораль и ее место в системе социальных норм. - "Вопросы философии", 1966, № 9.

24. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970. (Академия наук СССР. Институт государства и права.)

25. Н и г а й М.А. Понятие хулиганства по законодательству Казахской ССР. - Труды Института философии и права (при АН Каз. ССР). Т. 7. Вопросы уголовного права и процесса. Алма-Ата, 1963.

26. Р е б а н е И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. - Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 182. Труды по правоведению. Тарту, 1966.

27. Советское уголовное право. Часть особенная. ВИОН, М., 1951.

28. Советское уголовное право. Часть особенная. М., 1965. (Высшая школа МОП РСФСР.)

29. С о к о л о в Ю.А. Участие трудящихся в охране советского общественного порядка. М., 1962.

30. Теория государства и права. М., 1965.

31. Ч х и к в а д з е В.М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967.

32. Я в и ч Л.С. Государство, право, общественный порядок в период строительства коммунизма. Лекция. М., 1967. (Высшая школа СССР.)

G. Hazak

Social Order and Rules of Socialist Community
of Life

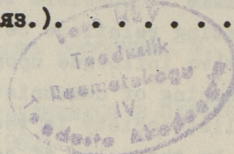
Summary

The notion of social order is always connected with certain rules and norms regulating the relations between people.

The rules of socialist community of life are the norms functioning in socialist society which demand a great deal from its members and contain the evaluation of their behaviour. Being expressed in legal and moral regulations, as well as customs and rules worked out by social organizations the rules of socialist community of life make it possible to control the people's conduct. Regulating relations between members of society they have an active influence upon socialist social relations and the shaping of communist consciousness. Social order of socialist society is the system of social relations regulated by the rules of socialist community of life.

С о д е р ж а н и е

1. И. Айме, М. Титма. Вопросы исследования социально-классовой структуры развитого социалистического общества. 3
2. В. Пароль. Урбанизация как объект социологического исследования. 21
3. К. Халлик. О характере социальных отношений в многонациональной среде (на эст. яз.). 37
4. А. Литвинова. Предпосылки социологического изучения активности депутатов местных Советов 53
5. И. Волков. Возрастание роли и ответственности кадров в осуществлении политики партии. 67
6. Ю. Лившиц. Ценностная природа взаимосвязи личности и общественного порядка. 87
7. Г. Хазак. Общественный порядок и правила социалистического общежития (на эст. яз.). 99

ТАЛЛИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Труды ТПИ № 436
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
Редактор И. Янковский. Техн. редактор Е. Зорина
Сборник утвержден коллегией Трудов ТПИ 5 мая 1977 г.
Подписано к печати 30 дек. 1977 г.
Бумага 60x90/16. Печ. л. 7,25 + 0,25 приложение
Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 300
МВ-06319
Ротапринт ТПИ, Таллин, ул. Коскла, 2/9. Заказ № 209
Цена 94 коп.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ

Вопросы исследования социально-классовой структуры
развитого социалистического общества. Аймре И.,
Титма М. "Труды Таллинского политехнического ин-
ститута", № 436, 1977, с. 3-20.

На основе вышедшей в стране литературы сделан анализ разработки проблем развития социальной структуры. Выводятся основные компоненты социально-классовой структуры и указываются авторы, работающие над проблемами развития этих компонентов социальной структуры. Даются основные определения рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции. Также выводятся конкретные подструктуры в классах и социальных группах в виде слоев и отрядов.

Урбанизация как объект социологического исследования.
Пароль В.И. "Труды Таллинского политехнического ин-
ститута", № 436, 1977, с. 21-35.

В статье освещается урбанизация как социальное явление, связанное с формированием пространственно-планировочной, производственной, бытовой, культурной среды, опирающейся на более высокий уровень концентрации производства, общения разнообразных видов деятельности, и на этой основе личности, воплощающей в повседневную жизнь стандарты поведения, характерные для городских условий. В ней разрабатывается подход к изучению урбанизации с позиции тесной и неразрывной связи среды общения и различных видов городских общностей. Особое значение автор придавал обоснованию концепции программно-целевого подхода, позволяющего комплексно управлять

урбанизационными процессами в условиях развитого социализма.

О характере социальных отношений в многонациональной среде. Халлик К. "Труды Таллинского политехнического института", № 436, 1977, с. 37-52.

Социальные отношения в многонациональной среде, многонациональных советских республиках, регионах и коллективах являются частью национальных отношений советского общества. Социальные отношения в многонациональной среде характеризуются определенной спецификой:

- по субъектам отношений - В рамках всего советского общества главными субъектами национальных отношений выступают социалистические нации и народности как целостные социальные организмы, обладающие внутренними социально-экономическими, социально-политическими и этно-культурными связями. В союзных республиках (не включающих других национально-государственных образований) субъектами отношений являются основная коренная нация и национальные группы. Национальные группы, как правило, не имея самостоятельной социально-экономической и социально-политической организации, могут наряду с этно-культурными различиями отличаться от коренной нации также и социальной структурой и социальным статусом,

- по объекту отношений - При сохранении определенных различий уровня развития производительных сил отдельных республик и наций преобладающее значение в национальных отношениях общегосударственного уровня имеет их социально-экономическая обусловленность при подчиненном значении этно-культурных факторов. Во внутриреспубликанских национальных отношениях соотношение социально-экономических и этно-культурных факторов варьируется в зависимости от характера различий национальных групп и коренной нации,

- по структуре отношений - Структура национальных отношений в рамках всего общества включает в различной степе-

ни всю совокупность социальных отношений, внутриреспубликанские же складываются из тех сфер общественных отношений, в которых национальные группы являются носителями качественно отличающихся социальных характеристик. В случае отличия социального статуса национальных групп и основной нации их отношения охватывают сферу социально-экономических и социально-политических отношений. При идентичности их социальной структуры внутриреспубликанские отношения носят преимущественно этно-культурный характер.

Предпосылки социологического изучения активности депутатов местных Советов. Литвинова А. "Труды Таллинского политехнического института", № 436, 1977, с. 53-66:

В статье излагаются некоторые результаты конкретного социологического изучения процесса повышения активности депутатов местных Советов (на материалах Латвийской, Эстонской и Армянской ССР). Автор осуществляет попытку объединения структурно-функционального и каузально-генетического подходов при разработке системы показателей активности депутатов, а также приводит примеры использования системы эмпирических индикаторов, обоснованной в рамках данного подхода, для изучения процесса развития представительной демократии вглубь.

Возрастание роли и ответственности кадров в осуществлении политики партии. Волков И.Н. "Труды Таллинского политехнического института", № 436, 1977, с. 67-85.

В работе уточняется содержание политики кадров, дается классификация кадров, рассматриваются проблемы кадровой политики и кадровой работы. Кадровая политика определяется как главная линия КПСС в подборе, подготовке и воспитании кадров, объективно обусловленная процессом строительства социализма и коммунизма.

Ценностная природа взаимосвязи личности и общественного порядка. Лившиц Ю. "Труды Таллинского политехнического института", № 436, 1977, с. 87-98.

Ценностная природа взаимосвязи личности и общественного порядка исследуется как значимая система, функционирующая в автономных проявлениях личности и общественного порядка, но прежде всего как определенная структура взаимосвязи, базирующаяся на признании примата ценности личности в сравнении с ценностью общественного порядка. Встречные направления взаимосвязи основаны на признании ценности общественного порядка для личности и личности для общественного порядка.

Общественный порядок и правила социалистического общежития. Хазак Г. "Труды Таллинского политехнического института", № 436, 1977, с. 99-115.

Понятие общественного порядка тесно связано с определенными правилами и нормами поведения, регулирующими существующие в обществе отношения между людьми. Общественный порядок нормативно оформлен правилами социалистического общежития.

Правила социалистического общежития — это существующие в социалистическом обществе социальные нормы, которые содержат требования общества к своим членам и оценку их поведения. Выраженные в правовых нормах, а также в обычаях, нормах морали или в установленных общественными организациями нормах, правила социалистического общежития дают обществу возможность контролировать поведение своих членов и, регулируя отношения между людьми, оказывать активное воздействие на общественную жизнь в целях охраны отношений, существующих в социалистическом обществе, воспитания сознательных членов общества и построения коммунистического общества.

Если под правилами социалистического общежития понимать все социальные нормы, содержащие определенную оценку социалистических общественных отношений, то под общественным порядком следует понимать порядок общественных отношений, регулируемый правилами социалистического общежития.

Цена 94 коп.